

Олег Северянин

*Острова.
Вторая
жизнь*

роман-фантастика

Олег Северянин

**Острова. Вторая жизнь.
Роман-фантастика**

«Издательские решения»

Северянин О.

Острова. Вторая жизнь. Роман-фантастика / О. Северянин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909540-4

События этого романа разворачиваются в придуманном мире, который мог бы существовать и на нашей планете. Книга позволяет читателю погрузиться в интересную жизнь героев, плакать и смеяться вместе с ними. Выстраивание сюжетных линий, множество образов раскроют перед читателем удивительный мир больших и самодостаточность маленьких островов. Герой романа проходит путь длиною в целую жизнь. Его ожидает масса открытий, испытаний и, конечно, любовь, а в финале он обретёт шанс на лучшую жизнь.

ISBN 978-5-44-909540-4

© Северянин О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Судьбоносное решение	7
Глава 2. Сборы	12
Глава 3. Племя Ватрушек	17
Глава 4. Кайя	22
Глава 5. Встреча с волшебством	27
Глава 6. Неожиданная свадьба	31
Глава 7. Новые открытия	36
Глава 8. В гостях	43
Глава 9. В изгнании	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Острова. Вторая жизнь

Роман-фантастика

Олег Северянин

Фотограф Екатерина Замоткина

Иллюстратор Олег Замоткин

Иллюстратор Екатерина Замоткина

© Олег Северянин, 2018

© Екатерина Замоткина, фотографии, 2018

© Олег Замоткин, иллюстрации, 2018

© Екатерина Замоткина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9540-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель! «Острова. Вторая жизнь» – лирико-философский роман о нравственном долге, о любви, о бесчеловечности.

Действия происходят вне конкретного времени, несколько обстоятельств покажутся странными и только в конце все будет...

У меня просьба не ассоциировать с современным миром до поры до времени пока...

Автор

Глава 1. Судьбоносное решение

– Эй, ты куда? – послышался сверху глас капитана. – Всё уже?

– Всё уже, – умиротворённо молвил я и отдал честь под козырёк.

– Ну, тогда с богом! – Капитан скрылся на мостике, и я услышал долгий, заунывно-протяжный гудок моего бывшего парохода.

Получилось так, что я всю свою сознательную жизнь провёл на морском торговом судне, на коем даже имел счастье родиться, поэтому на землю выбирался редко или волею судьбы. По суше толком не ходил, да и, собственно говоря, не имел ни малейшего желания, поскольку породнился с пароходом.

Таким чередом и текла жизнь до моего тридцатипятилетия – тогда я впервые задумался о своём предназначении. И поняв, что упускаю нечто важное, решил покинуть судно навсегда, распрощался со своими ребятами и окончательно сошёл на землю, покачиваясь, сделал по ней несколько шагов, проковылял, как пьяный, по набережной, остановился и начал размышлять о своей дальнейшей судьбе и способности к самовывживанию.

Я жаждал приключений и, ничего не придумав лучшего, принял решение отправиться во всевозможные путешествия, дабы попытаться изучить земли, людей, проживающих на островах, их касты, религию всевозможных народов и народностей. Представлял, как под старость лет приобщусь к какому-нибудь клану или, скажем, племени, проведу остаток жизни в окружении семьи, душевного равновесия и покоя.

А моё же родное судно предлагало лишь единственное: веру в победу над сухопутным человеком, более опасливым и осторожным, веру и надежду лихого человека в слепой случай, который поборол в себе пагубную осторожность и рвётся в бой навстречу приключениям,

мечтая добыть себе невероятное количество благ, материальных прибылей, энное количество бонусов, и последний из них – честь погребения в морской пучине. О, сколько этих зрелищ я насмотрелся в портовых кабаках и на кораблях!

Также я надеялся изучить местные климатические условия и то, как народы борются и приживаются на земле. Намеревался всё разузнать о политике, политиках, сочинивших устои существования народов, доведя свои бесовские игрища до статуса религии, которая в подсознании несёт массе людей определённый уклад и веру в будущее.

Эта толпа, повинувшись дирижёрской палочке очередного плута, надеется на неё, предлагающую всевозможные экономические выгоды и прочие блага, придуманные человечеством, проходя очередную и опять безуспешную стадию цивилизованного мира в основном благодаря войнам, напоминающим тупой гвоздь, который, если был бы мыслящим существом, то размышлял примерно так:

«В стену меня не вобьют, потому что тупой, но есть вероятность того, что молоток не попадёт в меня. Всё-таки, может быть, он ударит в стену, и я не погнусь. Я постараюсь своими интригами этого добиться. Стена рухнет, и я избавлюсь от неё, поскольку нет интереса к созиданию, а разрушение означает, что я останусь только я, мною же любимый, целый и невредимый, и никто больше не посмеет целиться в меня до тех пор, пока не найдутся новый молоток и новая стена».

А теперь от размышлений перейдём к действиям.

Когда друзья узнали о моих фантазиях, то недоумённо развели руками, покрутили пальцем у виска, многозначительно переглянулись и заспешили к телефонному аппарату с благим намерением пригласить к подъезду дома, где мы пьянствовали, карету скорой помощи, дабы специально обученные люди в белоснежных халатах разобрались в психическом состоянии вашего покорного слуги, с неминуемой возможностью пригласить к себе в гости, тем самым предоставляя мне шанс погостить в жёлтом доме.

Но эта забавная затея у ребят не получилась, поскольку я отобрал у них телефонную трубку, выдернул шнур из розетки и пригласил товарищей обратно за стол, уговаривая их продолжить мероприятие, чем и определил свою дальнейшую судьбу, предпочитая путешествовать по миру. Это занятие мне в то время казалось более перспективным, чем томиться в застенках, неустанно убеждаясь в мягкости обивки и периодически проверяя головой стены на прочность.

Глядя на душевный порыв друзей и их благородное стремление помочь мне сориентироваться в непривычной для меня жизни, я прослезился и смягчил их напряжённые нервы бутылочкой водки да баночкой огурцов собственной засолки, которую привёз с корабля. Но даже несмотря на это приятели продолжали относиться ко мне с тревогой и недоверием, каждый раз перед очередной порцией напитка оглядывались на телефон и повторяли набор одинаковых по смыслу фраз.

– Ну ты же моряк! Ты ведь плавал по всему миру! – сыпались на меня их недоумённые восклицания. – Как же так получилось, что ты ничего не видел, кроме своего корабля?

– Ничего вы не понимаете, – не имея желания заводить разговор по кругу, устало отвечал я. – Да вот так.

Они недоумевали очень искренне, а я даже не пытался им хоть что-то объяснить. Дело в том, что мои друзья были местными рыбаками, стояли на берегу с удочками, и каждый раз, сойдя на берег, я обязательно подходил к ним, пожимал руки и обменивал свой контрабандный товар на их свежую рыбу. Так и подружились.

Не понимали они меня, а я в основном молчал. Далее на меня сыпались те же самые реплики, потому что ребятам просто очень хотелось оставить впечатление о себе, произнести пафосную фразу и покрасоваться друг перед другом. Кстати сказать, один из них предложил мне остаться у него жить, благо собственной семьи не имел.

Вдруг стало душевно и весело. Я в очередной раз опрокидывал в себя напиток, загадочно прищуривался, хрустел огурцом, тянулся к бутылке и обновлял содержимое стопки очередной порцией спиртного, не забывая вынимать из банки следующий огурчик.

Я всё больше и интенсивнее наливал в стаканы и совсем перестал закусывать, надеясь погрузиться в свою мечту, чтобы отрешиться от всего грубого и материального. Далее – предаться грёзам и, как следствие, окунуться в крепкий сон, в котором мне обрывками видений будут чудиться образы дальних стран, народов, неизведанных животных, коих сотворила причудливая длань Творца, а может быть, неразгаданные явления природы, созданные Его острым умом.

Но, к сожалению, этому не суждено было сбыться, потому что, резко стукнувшись головой о поверхность стола, я захрапел и тем самым пропустил первый этап неги, на которую рассчитывал, да и второй этап не воплотился в моих грёзах – я попросту не увидел волшебных и сказочных сновидений с диковинными зверушками и необычными растениями.

На следующее утро получил лишь банальную головную боль, сухость во рту и невероятную депрессию, с лаконичностью предлагающую мне элегантный способ, который помог бы распрощаться с жизнью.

Ничего не понимая в окружающем меня пространстве, реальности и времени, я сунул руку в банку с надеждой выудить оттуда огурец, но рука погрузилась только в жижу. Не обнаружив огурца, решил похмеляться традиционным методом, предварительно перед основной процедурой испить рассолу, для того чтобы попытаться продолжить свой жизненный цикл далее.

Умыв лицо и посмотрев на себя в зеркало, я вспомнил о двух бутылочках пива, предусмотрительно спрятанных в холодильнике накануне, развеселился и предложил своей депрессии выйти вон. Затем пригласил к себе в гости хорошее настроение, которое помогло бы мне продолжить строить планы на будущие удивительные путешествия.

Немного захмелев, я погрузился в волшебный мир грёз, удивительных образов и невероятных пейзажей. На душе стало тепло, и я долго рассматривал за окном птичек, которые своим щебетанием призывали небеса к тому, чтобы хмурое утро превратилось в солнечный день.

Элегантным движением уже не трясущейся руки я смахнул со стола опорожнённые бутылки, принадлежащие всевозможным спиртным напиткам, услышал звук бьющегося стекла, ощутил невероятную свободу, веру в будущее и отправился в комнату, где находился компьютер, – заказывать посредством Интернета свой проездной документ в рай.

Губитель душ человеческих подсказывал мне великое множество вариантов приобретения проездного билета. Он, иногда лукавя, предлагал в уголке экрана альтернативные возможности, которые я решительно отвергал, будучи наученным горьким опытом.

Однажды пришлось воспользоваться Интернетом на корабле, и я хорошо запомнил тот случай, когда капитан со зверским видом гонял меня шваброй по палубе, потому что я по неосторожности занёс вирус в судовой компьютер, управляющий авторулевым. И пришлось мне тогда неладно. Вместо того чтобы наслаждаться свежим ветерком на палубе, я вынужден был крутить штурвал в прокуренной рубке, пока не починили компьютер. Эта каторга продолжалась несколько месяцев – до тех пор, пока наш корабль не подошёл к острову ремесленников и учёных.

Через некоторое время, заметив фирменный значок знаменитой, всеми уважаемой авиакомпании, я смело нажал курсором мышки на кнопку, подсвеченную на мониторе, и теперь наблюдал расписание рейсов, очень долго изучал авиалинии, разбирался в типах самолётов и в том, куда они летят, но, пресытившись информацией, устав от монитора, практически ничего не понимая и ничего не видя вокруг, нажал на первый же попавшийся на глаза рейс, где значилось: «Гавань – Остров №1».

Передо мной на экране высветился силуэт самолёта. Я нажал на него – внутри оказались обозначенные разными цветами кресла, и, как подсказывала фантазия, они должны быть обя-

зательно с удобными спинками и откидывающимися столиками, благодаря которым путешественник сможет совершить знатную трапезу или почитать какую-нибудь интересную книжку.

Далее я увидел красную надпись под силуэтом самолёта, которая предлагала кандидату на полёт указать курсором на свободное место в утробе летающего агрегата.

Легкомысленно указав на первое же попавшееся на глаза кресло, я принялся ожидать продолжения бронирования. Через тридцать секунд окно монитора изменилось, силуэт самолёта исчез, и я с любопытством начал изучать следующую картинку, мысленно представляя себя уже в самолёте, с удовольствием разглядывающего стройные ножки вежливых стюардесс.

Теперь на весь экран красовалось число, чуть пониже – подсказка, подчёркнутая жирной красной чертой, которая предложила мне осмыслить сам факт путешествия, необходимость заполнить обязательную анкету и с радостью узнать о дате и времени вылета.

Поскольку денег, которые я накопил за всю свою жизнь, мне было не жаль, да и времени, как тогда казалось, было предостаточно, я окончательно согласился с предложенным вариантом оплаты, датой и временем вылета, подтвердил своё решение, нажав на очередную кнопку. Довольный проделанной работой, я удовлетворительно кивнул головой. После этого на душе действительно почувствовал облегчение и гордость человека, который может самостоятельно определять для себя судьбу, а далее почувствовал неуверенность, одновременно – эйфорию от того неизведанного чувства и из-за него всем сердцем ощутил понятие о роковом стечении обстоятельств.

Таким образом, завершив первую стадию дела, которое затеял, я отправился на улицу – выкурить свою первую сигарету, порадоваться солнечному деньку, поскольку птицам своим щебетанием всё же удалось умаслить небесных богов, прогуляться по аллее, расположенной недалеко от дома, и, конечно же, начать хвастаться перед соседями.

Из моих путаных и восторженных объяснений соседи так ничего и не поняли, поскольку не уловили смысла, но всякий раз обращали внимание на сильный запах перегара, делая замечания. А мне было их жалко, я лишь радостно смеялся в ответ им – этим унылым людишкам, которые давно уже отвыкли мечтать и не видят ничего дальше своего носа, озабоченные лишь своим нажитым имуществом и всевозможными проблемами. Они, наверное, думали, что со мной случился припадок белой горячки или, по-научному, «delirium tremens» – так обозвал данное поведение житель нашего дома, бывший терапевт соседней поликлиники.

На следующий день соседи обходили меня стороной и отводили взгляд, да и вообще старались не показываться на глаза столь экспрессивному человеку.

В ожидании дня отправления в путешествие я упивался вусмерть, постоянно названивал друзьям, для того чтобы они провожали меня домой, то есть в ту квартиру, которую предоставил друг, а случайных знакомых направлял по разным адресам, неизвестно каким образом всплывающим из моего подсознания, одурманенного алкоголем, – наверное, часто бывал в гостях у незнакомых людей.

Из-за своего дикого пьянства я уже начал забывать даже своё имя, а в паспорте лишь значилось место прописки, то есть название судна, где я был произведён на свет – как надеюсь, в любви да согласии, потому что собственной матери так и не смог вспомнить, а именно из-за дюже неприятного момента. Это когда мне было пара лет от роду, мой родной пароход совершал прелюбопытнейший рейс на запрещённый дикий остров, и, по словам экипажа, когда моя мать сошла на берег, надеясь подружиться с островитянами, её попросту сожрали.

В более осмысленном возрасте я часто наблюдал такую картину, как седовласый старик – мой отец – брал в руки тельняшку жены, разглаживал её на коленке, плакал, закуривал трубочку и клал её на тельняшку в память о моей маме. Видимо, она любила подымить забытым табачком.

Глава 2. Сборы

«Ну зачем же так громко и нудно сигналият трамваи?» – из небытия донеслась неясная мысль с вопросительным знаком.

В очередное утро резкий и непрекращающийся звонок в дверь всё же заставил меня очнуться, ненадолго выйти из полусознательного состояния и подойти к двери, трясущейся, сильно ослабевшей рукой открыть замок, помутнённым разумом попытаться осмыслить происходящее и постараться узнать в госте знакомого мне человека.

Будучи погружённым в сладкую полудрёму, я инстинктивно впустил его на порог и направился в ванную комнату, чтобы хоть как-нибудь привести своё лицо в некоторое подобие человеческого образа.

Выйдя из ванной, я, будучи достаточно натренированным по части алкогольной продукции, привычным движением руки пропустил внутрь себя живительную влагу, сразу же ощутил эффект лекарства – разум потихоньку начал проясняться, мои веки раскрылись, и я, поблуднев от ужаса, попятился, упёрся лопатками в стенку, а потом осел на пол, не веря своим глазам.

Передо мною возвышалась тётка Кока, наша судовая повариха, а по совместительству – бывшая любовница и не только вашего покорного слуги, поскольку на корабле из особой женского пола была только она одна и у меня попросту не оставалось иных вариантов, а на берег я почти не выходил.

Она сладострастно причмокивала губами, указывала взглядом на вновь наполненную стопку и на свою обширную грудь, в одной руке держала батон колбасы, а в другой – острый нож, недвусмысленно направленный в мою сторону. Да и вообще весь её вид говорил о том, что она очень сильно соскучилась. Глядя на неё, мне в голову пришла мысль, что она мечтает обосноваться в квартире и, получив статус жены, нарожать множество ребятишек.

Поскольку сил у меня не оказалось для того, чтобы победить столь энергичную и любвеобильную женщину, я, испив угощение от тётки Коки, пригласил даму в душевую комнату, пообещав ей, что присоединюсь немного позднее. Повариха для начала попыталась смутиться, затем томно посмотрела на меня сверху вниз и с присущей только ей грациозностью скрылась в ванной комнате, даже не ведая о том, что в это время я как сумасшедший принялся суетиться и лихорадочно метаться по квартире, готовясь к побегу на другой остров. Главное – чтобы она меня не нашла.

А в это время из ванной раздавались недвусмысленные призывы:

– Милашка, иди ко мне, – звучал трубный голос, – иди. – Она старалась произносить это эротично, но у неё ничего не получалось.

– Щас, щас, – бормотал я. – Всё будет, щас.

Обезумевший от страха, я в спешке вынул чемодан из-под кровати и начал закидывать в него всё, что попадалось под руку, – это были совершенно не подходящие для путешественника предметы, но об этом я узнал потом. Захлопнув крышку чемодана и не попрощавшись с томящейся от ожидания гостей, сжимая в кулаке мятый проездной билет на самолёт, а также бумажные купюры, я выбежал на улицу, чтобы как можно дальше оказаться от дома, зная решительный и вездесущий нрав поварихи, где-нибудь спрятаться, успокоиться и посмотреть на вещи, которые я побросал в чемодан.

Подойдя к лавочке, находящейся у незнакомого дома, расположенного в другом квартале, я принялся опасливо озираясь по сторонам и перекладывать пожитки, собранные в экстренном порядке, попутно выкидывая в мусорный бак дырявые, создающие очень впечатляющий аромат носки, принадлежащие моему другу; его подштанники, которые я было хотел оставить себе, но вовремя передумал, потому что они годились разве только на ветошь; заржавевшее лезвие бритвы также отправилось вслед за подштанниками; и прочий хлам, которым

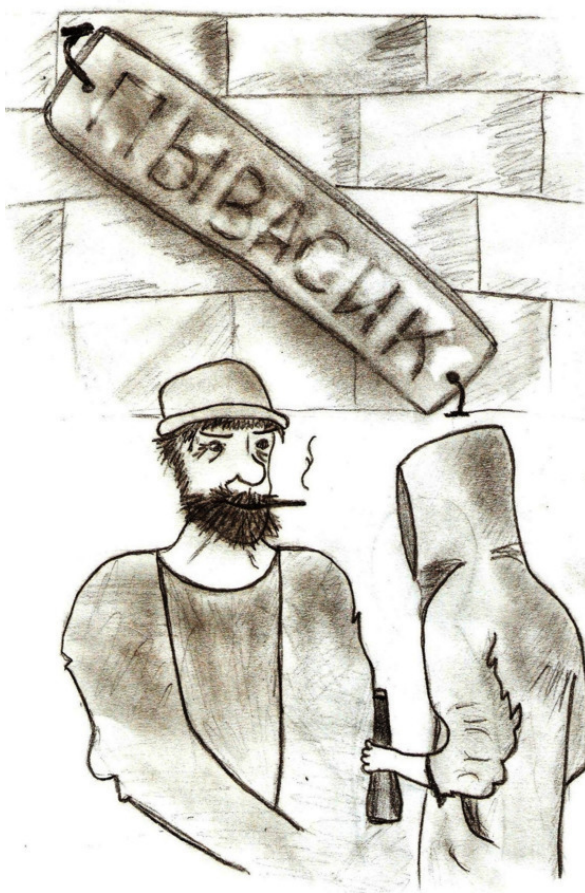
современный человек, избалованный бытовыми благами, не то что побрезгует, но даже не заметит его, предпочитая смотреть на более приятные глазу предметы обихода. Последним я выкинул и сам чемодан, поскольку теперь он мне был уже совершенно не нужен, да и выглядел неопрятно.

Крепко задумавшись над сложившейся ситуацией, я не сразу заметил присутствия рядом с собой неопределённого возраста существа, разглядывавшего с любопытством меня и вещи, которые я выкинул. Оказалось, что это существо вот уже пять минут пытается со мной заговорить, периодически намекая о магазине, что находится за углом, даже умоляет посетить его, а особенно отдел винно-водочной продукции.

– Дядя, дай на опохмелку, – неопределённым голосом молвило существо. – Ну дай, пожалуйста, – протяжно взывало оно ко мне.

– Иди отсюда, не дам, – прислушиваясь к позывам желудка, поморщился я.

– Ну дай, или хотя бы угости, – умоляло существо, с надеждой заглядывая мне в глаза.

И тем не менее, чувствуя невероятную физическую слабость, я с философским видом смотрел в хмурое небо, сравнивая состояние существа со своими душевными страданиями, перевёл взор на трясущиеся руки, умоляющий взгляд и из-за жалости уступил просьбе попрошайки. Через несколько минут, поддерживая друг друга и раскачиваясь, мы направились за угол к заветному магазинчику с лекарствами.

Опорожнив вторую бутылку пива, я пристально посмотрел на существо и не поверил своим глазам. Передо мной стояла изрядно потрёпанная алкогольными возлияниями девушка. Её лицо было старательно украшено многочисленными синяками и ссадинами, выражало неимоверную усталость, вызванную очень интенсивной, но, к сожалению, безрезультатной борьбой с зелёным змием, ярко покрашенный рот был приоткрыт, а глаза выражали удоволь-

ствие и любовь ко всему живущему на планете. Глядя на весь её облик, я подметил, что она стремится к общению со мной.

– Ну что, хорошо тебя подлечил? – сказал я с гордостью. – Качественно и профессионально! – Вдруг взгрустнулось, и добавил: – Куда мы катимся?

– Не знаю, – отвечала она. – Мне всё равно, что так, что этак. Слишком поздно уже об этом рассуждать. Узнав о том, что я уезжаю на Остров №1, она вдруг встрепенулась, глаза наполнились смыслом и интересом, и принялась осыпать меня всевозможными вопросами, взамен одаривая информацией, заключающейся в том, что в былые времена там родилась, проживала на острове достаточно счастливо и безопасно, но имела несчастье влюбиться в морячка и по глупости вышла замуж. Потом прописалась в Гавани, тем самым предав своё родное племя, принадлежащее клану Ватрушек из семейства Ватрушкиных, родителей и маленькую сестрёнку по имени Кайя, загрустила и попросила меня передать аборигенам привет, отыскать родителей и сестрёнку, сообщить им о том, что у неё благополучно сложилась жизнь. Я поклялся не говорить им о том, что она давно не живёт с мужем, поскольку тот постоянно находится в плавании и имеет несколько семей, и о том, что безвозвратно спилась, скатившись на самое дно. Пусть они думают, что всё хорошо, и радуются за неё.

Образ раскаявшейся девы меня поразил, и я, уронив слезу, пообещал ей отыскать на острове свободное племя из клана Ватрушек, передать глубочайший поклон от грешницы и постараться подружиться с местным людом. Я её ещё бы долго утешал, наверное, бесконечно, если бы не закончилось пиво. Поэтому, взглянув на часы, заторопился в аэропорт, всё же не забыв посетить магазин и утешить напитком свою новую знакомую, оторвавшуюся от своих родовых корней и поэтому влачащую жалкое существование девушку.

Обнявшись со вновь приобретённым соратником и немного брезгливо облобызав её на прощание, я нетвёрдой походкой направился в сторону автострады, дабы одарить алчного, но исполнительного водителя некоторым количеством денежных знаков, благодаря которым он аккуратно и вежливо доставит меня до терминала аэропорта.

Я сел в автомобиль уставшим, морально измученным, но, несмотря на моё вялое и изрядно меланхоличное поведение в машине, водителю всё-таки удалось развеселить меня шуткой, и мы разговорились. Я рассказывал ему всевозможные истории из своей прошлой жизни и планы на будущее.

Когда он узнал, что я отправляюсь в путешествия по островам, то ещё больше развеселился и принялся с энтузиазмом и в красках описывать свою родину – Остров №3. Как он мне пояснял, это остров сильных, профессиональных и стойких духом людей, а по совместительству – спокойных, жизнерадостных и чистых душою жителей. Как оказалось, они – единственные люди, которые создали настолько мощную индустрию, что весь мир обращается к ним за знаниями.

Я вошёл в образ рассказчика, сфантазировав себе этот остров, размышлялся, представляя себе весёлых загорелых жителей, их разноцветные хижинки с аккуратненькими палисадничками, где растут и благоухают цветы, фрукты, свисающие с плодовых деревьев, расположенных вдоль дороги, а на окраинах – могучие заводы и фабрики. Мне казалось, что там всегда тепло и ярко светит солнце. Я радовался этому острову, глядя в окно на свинцовые тучи, которые, казалось, поселились над Гаванью навечно.

Без задней мысли мечтая об острове, я хотел продолжить диалог, но тут же допустил ошибку, потому что спросил у водителя, почему он из такого райского места переехал в сырую и суровую Гавань с её почти постоянно хмурым небом, обильными дождями и суровой зимой, в результате чего таксист остановил автомобиль посреди автострады, с брезгливым негодованием посмотрел на меня и, не взяв денег за проезд, пинками под зад прогнал по сырой, запорошенной снегом асфальтированной дороге на обочину. Затем выматерился, сел в автомобиль и скрылся из вида.

До аэровокзала я добирался под сильнейшим снегопадом около часа, не смея больше поднять руку, опасаясь, что сделаю или опять скажу что-то не так. Оконфужу людей – и, как следствие, произойдёт неприятный инцидент, вызванный моей то ли чёрствостью и непониманием людей, которые делятся со мной своими переживаниями, чувствами и самым сокровенным, или же, наоборот, моим любопытством, так и не понятым ими, поскольку я на самом деле практически ничего не смыслю во взаимоотношениях между береговыми жителями.

Мне было стыдно за себя и за них, но я их прощал, потому что они, не зная истории, откуда я родом, относились ко мне как к чистокровному жителю Гавани, высокомерно посматривающему на иных, как ему кажется, менее удачливых людей, приехавших в столицу с разных островов в надежде заработать.

Такие вот стереотипы окружают людей, которые не позволяют им понять близкого, а мне не удаётся пойти навстречу.

Оформив проездной документ, я направился в зону ожидания, где меня смогли бы пригласить на посадку в салон небесной птицы. Она в свою очередь через некоторое время должна одарить всех пассажиров островом, о котором доселе слышал с ностальгической ноткой из уст рассказчицы, моей недавней знакомой.

Спустя некоторое время переступив порог самолёта, я уселся поудобнее в отведённом кресле согласно купленному билету, посмотрел в иллюминатор и, слушая медленно нарастающие обороты двигателей, закрыл в сладкой неге глаза, радуясь новым впечатлениям и происходящими вокруг меня непривычными вещами, постепенно покидая бренный мир, предпочитая волшебное царство Морфея.

Самолёт плавно раскачивался над облаками, медленно кренился то правым крылом, то левым, – тогда всё было спокойно и безмятежно, – а иногда его потряхивало, после чего пассажиры просыпались и перед тем, как снова уснуть, опять смотрели в иллюминаторы.

Я, как моряк, привыкший к постоянной качке и ударам волн о корпус корабля, этого не чувствовал, однако спустя некоторое время всё же был разбужен радостными криками и тем, что непривычно заложило уши, будто неизвестный шутник положил в каждое по ватке, а кроме того, меня немного подташнивало. Я в недоумении сравнивал болтанку родного парохода с новыми странными чувствами, которые подарил мне снижающийся самолёт.

С этими неприятными, весьма раздражающими ощущениями самостоятельно справиться было невозможно. Вот поэтому я и принял мудрое, единственно правильное для себя решение – понаблюдать за действиями других пассажиров, что и сделал, вложив в каждое ухо по затычке, распечатал карамельку, положил её под язык, тщательно рассасывая, и приготовил на всякий случай бумажный пакет, который мне посоветовал сосед, сидящий справа.

Авиалайнер спокойно и с достоинством сокращал количество сотен метров, оставшихся до земли, а мы, временные обитатели его салона, прильнули к своим иллюминаторам, с любопытством разглядывали приближающуюся водную поверхность, а дальше удалось разглядеть волны, барашки на их гребнях и увидеть землю.

Плавно коснувшись шасси о бетон, самолёт начал интенсивно оттормаживаться, послышался оглушительный рёв турбин и тут же смолк. Мы медленно катились по всевозможным дорожкам. С замиранием и радостью в сердце я окончательно поверил в то, что достиг своего первого пункта назначения, увидев здание аэропорта, на котором была надпись «Остров №1».

Глава 3. Племя Ватрушек

Когда я вышел из здания местного аэровокзала, то ко мне с улыбкой и озорством в глазах подошёл небольшого роста мужчина приятной наружности. Он принялся настойчиво, с сильным акцентом предлагать отвезти меня на автомобиле. Из его слов я понял лишь, что он готов исполнить все мои причудливые желания. Однако я ещё не определился с местом и для начала планировал изучить карту острова, а затем уже принять решение. Поэтому я вежливо отказал приятному мужчине, на что он очень сильно обиделся и укоризненно, одновременно грустно произнёс:

– Зачем так грубо? Если денег нет, дорогой мой, то так довезу, бесплатно. Зачем обижаешь?

Поскольку я не привык к излишнему вниманию, то ощутил неловкость и почувствовал лишь стыд, страх и недоверие к этому непонятному чужестранцу. Вроде бы его слова были понятны, так как все общались примерно на одинаковом диалекте, но в голове не укладывалось, что есть другие люди, непонятые мною из-за разности культурного развития.

– Зачем ты пришёл? Давай до свиданья... – гневался водитель.

Сильно опасаясь быть побитым, я трусливо скрылся в кустах, чтобы понаблюдать за нравами и поведением местных жителей.

Мой так и несостоявшийся водитель прохаживался вокруг своего автомобиля, излишне жестикулируя руками, иногда замирал, многозначительно поднимая указательный палец вверх. Вокруг него начали собираться другие водители, так же гневаясь, поглаживали усы, озирались по сторонам и, негодуя, поднимали указательные пальцы к небесам.

«Бандиты!» – с ужасом думал я, осторожно выглядывая из кустов и зорко следя за непонятными действиями до крайней степени темпераментных таксистов.

Но ситуация вдруг резко стала меняться. Из рупора послышался голос диктора, который повествовал о том, что прибыл следующий рейс. Отшумев, водители, как ни в чём не бывало добродушно и с солнечными улыбками принялись рассаживать вновь прибывших пассажиров по своим автомобилям, неустанно расхваливая местные достопримечательности и природу, а затем разъехались по своим шофёрским делишкам, и вскоре площадь опустела.

Когда мой гневный водитель посадил в машину своих пассажиров и уехал, я вылез из кустов, немного пригнувшись, и принялся ошалело изучать местность, озираясь вокруг себя.

– Ты откуда? – прозвучал над моим ухом голос.

– Из Гавани, – шёпотом ответил я, не понимая, как с ним разговаривать.

– На, попробуй. – Седобородый мужчина гордо поднял голову. – Сам сделал!

И с этими словами он налил в пластиковый стаканчик вино рубинового цвета, благоухающее гранатом, виноградом и, как тогда помнится, почудилось, розами, затем спокойно, с достоинством протянул его мне, полностью этой выходкой обескуражив и заставив трепетать противоречивые чувства в моей душе.

– Сколько это будет стоить? – робко спросил я.

После этого содержимое пластикового стаканчика оказалось на моём лице, а я в изумлении и со страхом смотрел на этого непонятного незнакомца, который, удаляясь, грустно качал головой и бормотал:

– Зачем так грубо?

– Извините, я ничего не понимаю! – кричал я ему вслед. – Давайте его на что-нибудь поменяю.

Бородатый мужчина обернулся ко мне:

– Да я просто так хотел тебя угостить вином, поднять настроение тебе и себе, а ты вместо этого обидел меня.

Затем пренебрежительно сплюнул в мою сторону и продолжил путь далее, всем своим видом выражая недовольство, уныние да скорбь, будто я осквернил святое и гореть теперь буду в аду.

Откровенно говоря, я не понял из его речи ни одного слова, однако уловил в интонациях обиду и раздражение, но тем не менее после случившегося, как ни странно, приободрился, поняв то, что теперь меня уже никто не тронет в физическом смысле, лишь обругают недотёпу. Это они с виду такие грозные, а на самом деле добрые, душевные и впечатлительные люди.

Я оглянулся по сторонам. Затем вышел на дорогу и смело поднял руку в надежде остановить машину, которая доставит меня до клана Ватрушек, потому что после всего случившегося твёрдо решил направиться именно туда и передать привет от девушки из Гавани, таким образом познакомиться с жителями, укрепиться в статусе именно своего человека, а не какого-нибудь постороннего.

– Куда едешь, дорогой? – приоткрыв дверь, спросил меня седовласый водитель.

– Мне бы найти клан Ватрушек, – ответил я ему.

– Садись, мой хороший, уважаемого человека отвезу хоть на край земли. Ну окажи ты мне честь, прокатись со мной до уважаемого клана.

Я, наученный горьким опытом, побоялся спрашивать о стоимости проезда и поэтому безропотно подчинился водителю, присев на пассажирское сиденье рядом с ним.

– У меня там брат! – трогаясь с места, гордо произнес водитель. – Все мы братья; у меня брат в Гавани, он моряк, спас мне жизнь, когда я тонул; есть брат на Втором острове, он винодел. Я перевожу через брата-моряка по морю сюда его вино, и он его меняет на наши фрукты да овощи. И на Третьем острове, и на Четвёртом есть братья, помогающие друг другу. Только Дальний остров я совсем не понимаю, и островки вокруг него какие-то странные – все сорок штук столпились рядом с нехорошим Дальним островом.

Я почесал макушку, не понимая, о чём ведёт речь почтенный старец.

– Слушай, – энергично продолжал он, – странные там люди, непонятные: живут как попало и с кем попало, традиций не уважают. Нехорошо всё это. Не к добру.

Я прислушивался к нему, не зная, как относиться к его словам, и лишь утвердительно кивал головой, чтобы не обижать хорошего человека.

– Ты мне бензина купи по дороге, – сменив тему, продолжал водитель, – а я брата попрошу угостить тебя самым вкусным вином и накрыть стол в твою честь, уважаемый. Кстати, как тебя величать?

– Боцман моё имя, – обрадовавшись тому, что наконец-то перестал молчать, ответил я.

– Ого! – только и вымолвил старец.

Дело окончилось тем, что я был доставлен в клан, всего лишь оплатив бензин, да и то потому, что у моего водителя наличных не оказалось, и познакомлен с братом. А далее я лежал в гамаке, поскольку так и не сумел подняться на ноги из-за того, что десятая чарка вкуснейшего вина в меня попросту не влезла и я вынужден был лишь ублажать свой слух местным красивым фольклором творческих людей из клана Ватрушек.

Я пускал в умилении слюни, выдувал из ноздри пузыри, подпевал им, явно фальшивя, и заказывал наугад очередную неизвестную мне песню, чувствуя себя барином.

Местные жители видели моё безобразное состояние, возможно, даже осуждали его, но гость есть гость, каким бы он ни был, поэтому они усердно исполняли мои прихоти, продолжая программу чествования, дабы развеселить, ублажить и оказать внимание почётному гостю.

От их хоровода у меня сильно кружилась голова, поэтому я начал теряться во времени и пространстве, на ватных, ослабевших ногах плёлся за угол, чтобы облегчить своё нутро и справить малую нужду. Вновь ложился в гамак на живот в ожидании следующего приступа рвоты, с отчаянием в душе понимая, что через пять-семь минут всё повторится. Опять буду

вынужден вылезти из гамака на землю, проследовать в долгий и изрядно унижительный, как мне тогда казалось, путь за стенку, где буду вынужден совершить очередной обряд самоочищения.

Наверное, вино было здесь ни при чём, ведь местные пили наравне со мною, а выглядели трезвее да румянее – по-видимому, это случилось с непривычки, а может быть, и поспособствовала акклиматизация.

Кошмар, связанный с физическим состоянием вашего покорного слуги, закончился с заходом солнца и совпал с тем обстоятельством, что местные жители окончательно огорчились, глядя на шалунишку, а наиболее милосердный островитянин поднёс к моим устам бокал, наполненный огненной водой, и заставил выпить его до дна.

На этом всё закончилось. Дальше я не помнил ничего, не подозревал о том, что дошёл до гамака, или пока что не дошёл, а принялся кривляться в танце, увлекая в свою бесовскую пляску красивых девушек, чтобы сотворить хоровод, а может быть, и вытворять всяческие непотребства... не помню. Но утром я проснулся в гамаке с острым чувством стыда и депрессией, а может быть, с депрессией, которую вызвал стыд, то ли всё это одновременно гармонично переплелось друг с другом... не знаю.

Я лежал в гамаке и задумчиво смотрел на небо. В глазах рябило, а голова гудела, как натруженный паровой котёл, уши закладывало, как при недавнем снижении авиалайнера, сухость неба подсказывала мне, чтобы даже и не вздумал пошевелить языком, дабы облизнуть высохшие губы; боялся пошевелить рукой и прислушивался к редкому сердцебиению, да и вообще старался не дышать. Хоть и не являюсь настоящим алкоголиком, но впервые в жизни происходили данные метаморфозы в сознании, а самое главное и печальное – то, что мозг мой хорошо работал, тело же можно было выбросить на свалку вместе с прочим хламом.

Лежал я долго, вспоминая произошедшие события и вчерашние приключения, начиная с того момента, как познакомился с существом-девушкой. Старался проанализировать поведение местных жителей, выработать план по поиску Кайи из клана Ватрушек и познакомиться с её семьёй, поскольку давеча, будучи ошеломлённым приёмом племени, попросту забыл это сделать. Но старания теперь уже были тщетны, иначе мысли спутывались и в воображении я

видел лишь оставленную баночку рассола в Гавани на квартире моего друга и теперь жалел, что не прихватил её с собой.

– Держи, дорогой, – слышался голос сверху.

Я увидел почти незнакомого мужчину, подающего мне чашу с каким-то непонятным и странно пахнущим напитком тёмно-коричневого цвета. Даже подумал, что это какое-нибудь подобие пива, которое пить совершенно не хотелось.

«Всё, хватит с меня, – решил я, – так недолго и до этого... как его... ну, в общем, что говорил терапевт... докатиться можно».

– Я не хочу похмеляться, – прошептал я, еле ворочая языком и с ужасом понимая, что гортань, по всей видимости, обожжена сильно горячительным напитком.

– Не бойся, – ласково произнёс добрый человек, – это всего лишь особый сбор трав. Добавленные в чай, они и существуют для того, чтобы таких озорных джентльменов возвращать в наш мир, заставляя их выжить после столь интенсивного употребления всевозможных вин, мешая с более сильными напитками. Без него такие вот, как ты, либо протягивали ноги, либо начинали бесславную и весьма печальную карьеру алкоголиков, – задумчиво произнёс он. – Кушай, дорогой, – уговаривал он меня, лукаво топорща усы и широко улыбаясь, показывая зубы, не тронутые временем.

Взамен я тоже попытался улыбнуться, но вовремя вспомнил о состоянии полости своего рта, и стыдясь, как мне казалось, сильнейшего перегара.

– Ты вчера что-то говорил о вожде нашего клана, – продолжал он, как только я испил чудотворный напиток. – Что-то по поводу какой-то девушки из семейства Ватрушкиных клана Ватрушек?

– Не помню. Может, наверное, и так.

– Так вот, вождь и есть отец этой девушки – глава нашей общины. У него была ещё и старшая дочь, но она предала свой род, сбежав с острова с каким-то морячком. Отец по этому поводу обезумел, приобрёл дар предвидения, тронулся умом и зачудил, однако очень сильно поумнел, высказывая нестандартные мысли об укладе жизни и экономической ситуации островитян, предлагая всё это изменить, а посему его и выбрали вождём – он всё, что обещал, исполнил. Благодаря его воле мы сейчас процветаем и купаемся в благоденствии и спокойствии, вновь обрели свои традиции и теперь мирно живём.

– А как бы с ним встретиться и переговорить с глазу на глаз? У меня к нему есть информация по поводу его старшей дочери, – уже более бодрым голосом спросил я, чувствуя, как целебная водичка заставила мой организм присоединиться к жизни.

– Да это же элементарно! – улыбнулся хозяин, поглаживая свою окладистую седую бороду. – Я и есть тот муж из семейства Ватрушкиных и по совместительству – предводитель клана Ватрушек. – Эх, неспроста ты сюда приехал, чую я. Небо подсказывает мне, что ты вероломно и одновременно сильно изменишь судьбу моей младшенькой дочурки, но небо черно. – Он, как заправский шаман, закатил глаза вверх, явно дурачась. – Просты, как и мои мысли по этому непростому поводу, но с другой стороны, от судьбы ни ей, ни мне не уйти, да и тебе тоже, дорогой, – пророчил он.

Но я так и не понял ничего, кроме того, что передо мною находится либо гениальный человек, либо сумасшедший.

– Ты всё видишь, – подняв руки, заклинал он небеса. – Я раб твой и не посмею ослушаться.

После последней фразы я почувствовал ужас и озноб от слов безумного человека, недоумение и оторопь.

– Давай поднимайся, – как ни в чём не бывало сменил тему вождь, опустив руки. – Поведу тебя на прогулку, а после неё и только в том случае, когда у тебя наступит хорошее настроение,

возвратимся обратно, совершим утреннюю трапезу, и я ещё раз познакомлю тебя со своей семьёй и жителями нашего клана.

Мы долго бродили по окрестностям, я с наслаждением вдыхал приятные запахи неведомых мне трав, растений, удивлялся чистоте и свежести горного воздуха, благоухающего цветами, розовел лицом и потихоньку забывал значение плохих словосочетаний, как то «смертная сука» и «адская тоска».

Когда я окончательно развеселился, то принялся травить вождю флотские анекдоты, рассказы, которые придумывал на ходу, всякие потешные случаи из моей морской жизни, даже не задумываясь, как береговому человеку они напрягают слух.

Хозяин то ли не слышал, то ли не понимал моего повествования, в котором присутствовало множество специфических терминов, связанных с работой на море. Они были для меня обыденными, впитанными с молоком матери. Однако он имел мудрость промолчать и всего лишь пригласил обратно в общину, по дороге расхваливая старинные достопримечательности и достижения местных селекционеров.

И теперь уже я не понимал его. Мне резали слух термины, кажущиеся ему обыденными, которые, по-видимому, вождь впитал с молоком матери.

А далее хозяин и по совместительству – вождь клана Ватрушек пригласил в свой дом, где нас уже ожидали с нетерпением хозяйюшки, в свою очередь приготовившие всевозможные и неизведанные мною угощения.

Глава 4. Кайя

Словно почувствовав себя в кругу семьи, я расслабился и теперь восседал за искусно сотворённым столом необычайного цвета дерева. Любовался его резными ножками, выполненными тщательно и аккуратно неизвестным мастером, не поскупившимся на мелкие детали. Внимательно рассматривал столешницу, на которой была в красках изображена история клана Ватрушек. Иногда переводил взгляд на яства и улыбался окружающему меня семейству Ватрушкиных, в свою очередь с теплом и заботой пополняющему моё блюдо всевозможными угощениями, попутно объясняя их названия, как и с чем употреблять отдельные ингредиенты, описывали вкусовые качества и пользу для организма.

И ещё раз я удивился открывшимся мне интересным и полезным вещам. Оказывается, местная кулинария имеет и целебные свойства. Островитяне в неё добавляют специальные сборы трав, которые они называют специями, и в зависимости от их пропорции одни помогают трапезничавшему убрать избыток давления внутри организма, другие нормализуют работу сердца, следующие поднимают настроение и улучшают мозговую деятельность, а отдельные попросту придают неповторимый вкус блюду, приготовленному с нежностью и добротой местных хозяйшек, радеющих за своих добытчиков-мужей и милого потомства.

Передо мной находился высокий деревянный штоф с превосходнейшим вином, и Кайя, дочь вождя, периодически пополняла его, не забывая строить глазки, кокетничала, иногда шутила, иногда надувала губки, делая вид, что обижается из-за того, что на её шутки я парировал и шутил ещё интереснее, тем самым уязвляя её женское самолюбие. Но эта стадия у неё очень быстро проходила, и спустя минуты две она опять томно смотрела на меня и улыбалась, а далее, сначала застенчиво, затем раззадорившись, опять начинала шутить и смеяться, с удовольствием получая взамен внимание и ответные действия.

Настроение у неё постоянно менялось, проходя каждый этап по кругу, но, несмотря на её столь интересное и экспрессивное поведение, выглядело это изрядно потешно.

Вождь, а по совместительству – радушный хозяин старался сделать непринуждённую, а поэтому непривычную для меня своей лёгкостью атмосферу за столом, поскольку я привык к более сдержанным, суровым и расчётливым людям, которые с рождения уже были ограничены своими душевными качествами и по определению склонны к корысти.

В море я подобных навиделся множество таких вот угрюмых людишек, а теперь же видел картину наоборот. Сейчас я нахожусь в кругу искренне, с озорством веселящихся людей и незаметно для себя сам потихоньку погружаюсь во всеобщее веселье.

Изрядно захмелевший вождь вдруг хитро прищурился, посмотрел на свою жену, которая без слов поняла его, встал из-за стола и скрылся в небольшом сарайчике. Оттуда послышались грохот да ругательства, затем всё утихло и вождь вышел из сарая с какой-то непонятной штуковиной. А потом хозяин важно сел за стол, снял с неё чехол – и передо мной оказалось странного вида подобие гитары. Струн на ней было, наверное, штук двадцать, и теперь, растопырив неестественным образом пальцы, он старался настроить сей загадочный инструмент.

Я в этом ничего не понимал, лишь следил за его проворными манипуляциями. Затем вождь довольно крикнул и сделал сосредоточенное лицо.

– Опять ты взялся за старое! – с напускной суровостью заявила хозяйка.

– Ми-ми-ми. Ми-ми-ми, – произнёс вождь в ответ и заиграл какую-то непонятную, но смешную музыку, а затем даже принялся петь смесь то ли частушек с классикой, то ли баллады.

Этот стиль познать мне так и не удалось. Дамы хихикали, я смеялся во весь голос. Все были довольны; Великий вождь, а по совместительству – весёлый музыкант с удовольствием

проделывал всяческие манипуляции своими коротенькими пальчиками и потешным голосом. Мы слушали и с интересом смотрели представление.

Окончив концертную программу, глава семейства встал из-за стола, вышел на середину веранды, театрально всем поклонился и скрылся в сарайчике, оттуда опять послышались шум да бранные ругательства вождя, а по совместительству – изошрённого матерщинника. Далее всё стихло, вождь вышел на улицу, направился к нам и опять уселся за стол, с довольным видом оглядывая всех присутствующих.

Жена вождя клана Ватрушек, а по совместительству – весёлого, бородатого и сильно загорелого дядьки хлопотала вокруг дорогого гостя. Она многозначительно переглядывалась со своей младшей дочуркой и ласково улыбалась. Глава семейства добродушно повествовал всем, а в частности мне о лёгкой и непринуждённой жизни людей в общине, намекал на то, чтобы я остался здесь жить и работать, предварительно обучившись какой-нибудь береговой специальности, повествовал о том, кем мечтал бы меня видеть на острове в своём клане.

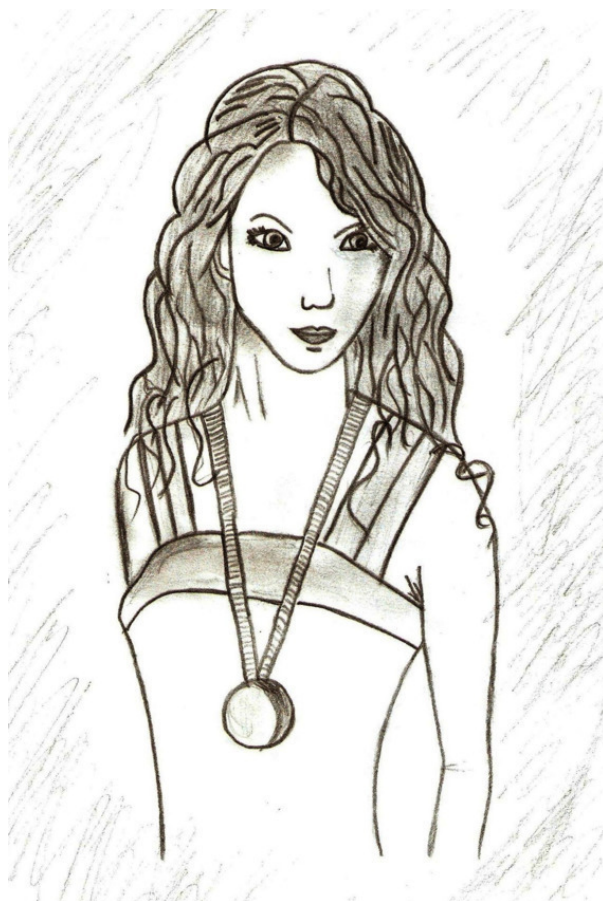
Пока вождь пытался обрисовать перспективы будущей жизни на острове и безоблачном существовании в их клане, Кайя озорно подмигивала, явно проявляя интерес. А всё это потому, что я являлся чужестранцем, да ещё вдобавок, как ей казалось, весёлым романтичным морячком.

Я, собственно говоря, и сам думал, что всем своим внешним видом намного выгоднее превосхожу местных кавалеров, потому что, в отличие от них, был высок ростом, бел лицом, а мои кисти по аристократически длинны.

Когда мы с вождём гуляли по окрестностям, я обратил внимание на то, как местные приземистые юнцы с завистью посматривают на меня. Я же на них гордо смотрел сверху вниз, но при общении всегда искренне улыбался, обменивался шутками и радовался выгоде своего внешнего вида и грубого мужского голоса перед ними, юнцами с пока ещё козлиной бородкой и тоненькими голосами. Поэтому нетрудно было догадаться, кого в мужьях своей дочурки желает видеть Великий вождь.

Окончив утреннюю трапезу, вождь Ватрушек ласково и нежно попросил Кайю в приказном порядке отвести меня на прогулку. Там познакомить с местными жителями и соседями, окрестностями да тайничками, которые она сама же для себя придумывала и, как любительница всего секретного, постоянно затевала, а также посвятить в мудрость и виртуозное мастерство садоводов да таинство искусных ремесленников.

Ублажённый благодатной пищей и умиротворённый вниманием, я с благосклонностью согласился и с шутливым видом начал подначивать Кайю всенепременно подчиниться приказу отца – немедленно отправиться в путь. На что она сначала было заартачилась, но затем, посмотрев в строгие и одновременно мудрые глаза матери, вдруг резко переменялась и с радостью согласилась. Однако она кокетничала и не торопилась к действиям, поэтому у меня мелькнула шальная мыслишка взять её на руки и вынести в сад. Но пристальный и всё понимающий взгляд вождя заставил отказаться от столь дерзкого поступка, останавливая от преждевременных, нагло-хамоватых решений.

Я лишь скромно сидел на скамеечке и краснел лицом – то ли от выпитого вина, то ли от стыда, вызванного тем, что вождю удалось разгадать мой сиюминутный душевный порыв. Теперь он смотрел на меня пристально, оценивающе и даже сердито – наверное, у меня было выражение взволнованное, которое обычно наступает в те моменты, когда греховные помыслы возобладают над разумом.

Ведь истинной любви я до сих пор так и не познал. И теперь только испытывал непривычные для себя ощущения, не понимая, что происходит, почему у меня вдруг закружилась голова, а сердце учащённо бьётся.

Я ощущал волнение от столь непривычных и загадочных чувств, а также радость от неизведанного доселе бытия, но обязательно светлого, дарящего надежду на счастливую жизнь, приятным дополнением к которой будут неограниченные возможности.

Сравнивая Кайю с тёткой Кокой, а именно ощущения и чувства, я не находил ни единого сходства между ними. Тётка оказалась в проигрышной позиции, потому что давала только плотские утехи да забавы эротического содержания, обучая технике виртуозного мастерства отношения между полами на практике. Она совершенно не заботилась о духовных качествах, в отличие от Кайи, поэтому я впервые в жизни познал истинное слово «любовь».

Мне казалось, что эта сладострастная пытка будет продолжаться вечно, – время замедлило свой ход, краски стали ярче, я стыдился себя и вновь приобретённого чувства, настраивался на то, что буду испытывать все круги ада до бесконечности.

Таким образом, я продолжал находиться за столом, медленно погружаясь в сладостно-обморочное состояние, но Ватрушка по имени Кайя, наверное, прочитала в моих глазах великое смятение и беспомощность и решила всё же ещё немного пококетничать. Она явно издевалась, но со временем смиростивилась и ласково предложила прогуляться по угольям клана, предлагая мне тем самым шанс прийти в себя.

Она нежно взяла меня под руку, и мы направились в сад, где некоторое время просто стояли и молчали, любуясь цветами, молодыми побегами, красивыми разноцветными фруктами да лепестками, которые отдавали нам щедрую тень и прохладу.

А далее проследовали в конец сада, где находились миленькие, ярко раскрашенные ворота. Они со стороны были почти незаметны, поскольку, утопая в буйной растительности, полностью растворялись в её красках, а также смешивались с многообразием флоры, явно соперничая с последней.

Мы прошли под виноградником, оплетающим ворота и арку, открывающие нам остальной прекрасный мир клана любимых мною Ватрушечек. Я разглядывал разноцветные домики, над которыми возвышались очень смешные флюгерочки, а также обширные угодья, небольшие аккуратные фермочки, мельницы, лениво крутящие свои лопасти под влиянием ветра, и даже фруктовые плантации.

Как замороженный, боясь упустить её руку, я автоматически следовал рядом, удивлялся фантазии местных жителей, тому, как они смогли построить вокруг столь исключительное великолепие, и ошарашено поражаюсь сумасшествию красок, которыми щедрой рукой одарила данный остров сама природа. До встречи с Кайей я их не особо замечал. Ведь даже камешки, устилающие тропинки, выглядели не серыми, например, как в Гавани, а наоборот, старались удивить разнообразием красок, будто соревновались друг с другом пестротой да красотой и в это же время явно завидовали великолепной растительности, с которой они, по-видимому, брали пример.

Всё это в один миг я прочувствовал и поэтому сильно растрогался, ощутив невероятное счастье, дарованное мне судьбою.

Кайя не обращала на эти великолепные пейзажи ни малейшего внимания и, по всей видимости, воспринимала их как само собой разумеющееся – наверное, считая, что так существует во всём мире.

«Интересно было бы отправить её в Гавань – как бы она там себя чувствовала?» – размышлял я и, как зачарованный, продолжал любоваться камешками, иногда переводя взгляд на нежно-зелёного цвета лепестки, сотворённые природой.

По дороге Кайя о чём-то лепетала, распевала песенки, срывала цветы и плела из них венки. Я пытался понять те ощущения, которые творились в моей душе в данный момент, и боялся, что они когда-нибудь закончатся.

Я ещё не раз сравнивал Кайю с тёткой Кокой, но всё более и более находил в них всевозможные различия и противоречия. Тётка Кока теперь уже была в моём представлении просто самкой, удовлетворяющей свои примитивные первобытные потребности и инстинкты, позволяющие продолжить свой род дальше.

Кайя же представляла нечто иное – неземное и не укладывающееся в моей голове. Казалось, слова «быт» и «Ватрушка» несовместимы, потому что каждое движение её рук было необычайно плавным и воздушным. Её взгляд выражал мечту и счастье, будто она всегда находится в состоянии равновесия и благоденствия. Голос был нежный и певучий, но когда она разговаривала, то нарочито тянула каждое слово, чтобы наградить слушателя приятным голосом и тем самым отвлечь его от следующего факта.

Дело в том, что она не совсем умело разговаривает, изрядно отвратительно строит предложения, повторяя постоянно одни и те же слова по кругу. Так указал на этот факт вождь, а я бы так и не заметил, будучи влюблённым в неё. Но это не напрягало, а наоборот, выглядело очень милительно, добро и даже забавно.

Всё не укладывалось в мою логику, извращённую бытовым потреблением любви. Ватрушка наивно шутила, искренне смеялась, а я делал вид, что смеюсь над шутками, на ходу срывал клубнику и предлагал этот продукт ей, а на самом деле очаровывался непосредственностью, искренностью и чистотой помыслов, размышляя:

«Воспитанный приказами, я, в общем-то, не понимал её, но чувствовал, что она права в самом главном – в нежном отношении к природе. Она любила всё живущее на свете, а самое главное – искренне доверяла и с полным отсутствием страха за свои поступки старалась всё делать правильно и поэтому не боялась, что её не так поймут и осудят. Ей было попросту наплевать на чужие, завистливые и порой осуждающие её мнения. И поэтому она жила своей, настоящей жизнью, не лицемеря, без вранья и порой против других, но всегда честно...» – на этом месте мысль была прервана.

– Сейчас мы пойдём к Ефимычу, – тем временем разглагольствовала Ватрушка, даже не подозревая, какие мысли творятся в моей голове, – у него сладкий виноград.

И я покорно следовал за ней. Через пять минут мы повернули на соседнюю улицу и оказались около небольшого заборчика с калиткой.

Глава 5. Встреча с волшебством

Не успели мы переступить порог участка Ефимыча, как сразу же были вынуждены решить одну загадку, хитро подстроенную лукавым дедом.

Вблизи порога и вдоль него на высоте пятнадцати сантиметров была натянута металлическая верёвка, которая из ряда тех вещей, кои служат проводниками электрического тока. Они достаточно усердно берегут покой жителей, поскольку являются деталью для ограждения граждан от злого человека, поэтому я в ужасе отпрыгнул от неё, предполагая, что это растяжка, принадлежащая взрывному устройству, коих было великое множество в годы последней войны, которую я воочию не видел, но, судя по рассказам моих коллег по работе, поскольку, в отличие от меня, они интересовались земными делами, война была на редкость жестокой и никчёмной.

Вот поэтому я подумал, что дедулька воевал и по привычке, таким образом, охраняет свои владения от воров или нашествия врага на его вотчину, но на мой нервный оклик Кайя не заметила моего волнения, а только захихикала и, изловчившись, ударила ногой по металлической верёвке. Дальше сделала удивлённо-радостное лицо и чего-то ожидала. А спустя две секунды, которые показались мне вечностью, начал греметь салют.

– Фу, – выдохнула она, – хорошо, что салют, в прошлый раз было пожётче. У меня после того случая образовались синяки на всём теле.

– В вашу честь, гости дорогие, в вашу честь салют, – послышался сначала скрипучий голосок хозяина, а затем перед нами материализовался и сам шутник, довольно бессовестный беспредельщик, способный ради забавы на многое. – Проходите, пожалуйста, – продолжал разглагольствовать он, ловко ухватив меня за локоток.

Ефимыч оказался седовласым, седобородым старцем весьма добродушного нрава, не позволяющим оскорбить да унижить гостя. В его глазах читались всепрощающая скорбь, озорство и лукавство. Облик выражал покорность судьбе, одновременно открывая душу очень сильного и стойкого человека, прожившего долгую, интересную жизнь, полную приключений да неожиданностей.

– Он не наш, пришлый, – шёпотом сказала мне на ухо Ватрушка. – Он иноземец, но юморист замечательный: веселит компанию, устраивает свадьбы в потешном стиле, не гнушается похоронами и в этом случае смягчает горечь родственников усопшего, за что и ценим. – Это всё, что я понял из её бессвязной речи, полной повторений и ненужных подробностей.

– Проходите на веранду, – спокойно продолжал старец. – Сейчас вас угощать буду.

С этими словами он неторопливо направился в сторону дома, предварительно дёрнув за листик неизвестного мне дерева, после чего открылась входная дверь, ведущая в хижину.

Я не удержался и дёрнул за другой листик, после чего ощутил удар электрического тока и испуганно принялся оглядываться по сторонам, в то время как Ватрушка беспечно смеялась.

Мы воспользовались приглашением деда Ефимыча, прошли на веранду, я уселся на скамейку и с ужасом почувствовал, как она уходит из-под меня. Кайя опять рассмеялась, глядя на моё испуганное лицо и беспомощность, затем смиловилась и ударила ногою в пенёк, находившийся рядом со скамьёй, после чего та приподнялась, немного покачалась и пришлась мне по росту; ну а далее из неё вдруг выросли спинка и удобные подлокотники, тем самым превратившись из скамьи в кресло.

Я не то чтобы был удивлён – мой разум отказывался воспринимать всё то, что вокруг происходит. Я уже не удивлялся тому, что скамья опять решила перепрограммироваться, и наблюдал лишь за непонятными явлениями физического смысла. Когда скамья опять поднялась, но теперь уже у Кайи, трансформировавшись в кресло, я успокоился и увидел, как створки стола раскрылись, изнутри вышла плита с дюжиной тарелок, затем створки захлопнулись со страшным треском, послышалось пипиканье, а тарелки, непонятным образом оставшись на столе, вдруг стали плавно перемещаться в сторону гостей.

Я подскочил на месте и не посмел после этого садиться на лавочку, напряжённо ожидая следующего коварного подвоха, а Ватрушка же, наоборот, улеглась на проклятую скамью, которая постепенно превратилась в диван, и начала пристально разглядывать предметы, находящиеся перед ней сервизы и изучать их. Она, как я понял, надеялась найти очередной подвох. Поняв всю силу и экспрессию местного народа, мне резко захотелось убежать от страха в уборную, что я моментально выполнил, но не до конца, поскольку там случился очередной конфуз и я вернулся обратно, стыдливо прикрывая причинное место, с которым случилась оказия.

Ватрушка же, наоборот, уселась на скамью, засемила в воздухе своими ножками и продолжала пристально разглядывать окружавшие её предметы, потешно вертя вокруг себя головой, изучала предметы домашнего обихода, будто впервые их увидела, надеясь найти очередную загадку.

– Кайя, – послышался высокий, хриловатый голос старца. – Не ищи, больше ничего не будет, кроме винограда. Стар я стал, чтобы так много изобретать; лучше налей женишку чарочку да поднеси виноград.

После его слов Ватрушка с хитрецей в глазах посмотрела на меня. Я покраснел и в то же мгновение почувствовал сладость от неизбежного влечения, которое повинуется неумолимому року. Получался полный ералаш. Оказывается, нас уже заочно сосватали и я, как ягнёнок на заклании, теперь уже был вынужден исполнять непривычную, но довольно интересную роль жениха.

– Судя по всему, ты моряк? – допытывался у меня любознательный старикашка по имени Ефимыч. – Но зачем тогда соскочил на землю брентную?

Он сам задумался над данной фразой, несколько раз грустно повторял её, опуская седую голову.

– Зачем? – глубокомысленно вопрошал он, и складывалось впечатление, что старик знает тайну, скрытую от меня и многих жителей, которая предназначена только для просвещённого ума и поэтому доступна не всем.

Я легкомысленно во всём с ними соглашался, даже не понимая всей глубины данной фразы и особо не обращая внимания на вдруг резко переменившееся настроение деда. Пытался строить глазки новоявленной невесте с мечтой о планах на будущее. Также надеялся обзавестись всеми благами цивилизации. А затем – сыном и дочуркой.

Старец не унимался и, в очередной раз кивнув грустно головой, продолжил свою словесную вязь:

– Ты из Гавани, – утвердительно молвил Ефимыч, тем самым перебив мои мысли. – Я тоже, и так же, как ты, служил на пароходе, но только механиком, благо половина жителей нашей планеты находится в море, но, в отличие от тебя, непутёвого, имел мудрость осесть на одном острове и в более раннем возрасте научиться хоть чему-нибудь. Я жил довольно хорошо, но, к сожалению, похоронил жену. Я был счастлив с нею, не сомневайтесь в этом. А вот ты решился скакать по всему свету, словно блоха, даже не ведая и не зная ничего, только повинувшись лихому азарту и нескромным мыслям. – Старик огладил задумчиво бороду и добавил: – Это очень нехорошо, но тем не менее я тебе завидую, поскольку сам не испил до дна столь интересной жизни. – Голос старца понизился до шёпота.

Я же со своей стороны легкомысленно вкушал очень сладкий виноград и не понимал из речи старца ни одного слова. Ватрушка хихикала, строила мне глазки и со знанием дела, глубокомыслием во взгляде переглядывалась со старцем, явно догадываясь о том, что я так не сумел понять и осмыслить.

Но это пока...

Мы долго сидели за столом, предаваясь своим эмоциям и ощущениям. Я старался переключить мысли старца на более оптимистический мотив, и это у меня со временем получилось. После чего Ефимыч развеселился и приказал:

– Зовём гостей!

Старец хлопнул в ладони и с озорством в глазах запустил в небосвод столовую вилку, которую давеча пользовал для трапезы. Она, в свою очередь, зацепившись за листик, потревожила дерево, мирно растущее у веранды. Дерево неизвестным образом приняло приказ хозяйина и стало оглушительно верещать, явно подражая звуку сирены, принадлежащей... ну, скажем, хотя бы карете скорой помощи.

После чего все жуки и комары предпочли покинуть территорию. Собаки начали лаять, и вокруг наступил полнейший хаос. Всё вдруг зашевелилось и разволновалось, подул ветер с гор, выгнал мелкие облачка прочь, из-за этого небо прояснилось, а Ефимыч хитро-радостно прищурившись, провозгласил:

– Сейчас сами к нам пожалуют.

Он произнёс эту фразу как ни в чём не бывало, не обращая на вой сирены ни малейшего внимания, а далее хитроумный дедулька продолжал, хлопнув по крышке стола, на которой вмиг что-то выдвинулось, ушло внутрь, раздвинулось, сомкнулось, поднялось и резко опустилось.

У меня закружилась голова от столь резких метаморфоз, происходящих со столом, и я решил абстрагироваться. Все эти манипуляции не совпадали с законами физики, поэтому я попытался не обращать на столь дивные явления никакого внимания.

Но не в этом суть...

Ефимыч, будто шаман, делал непонятные для меня пассы руками, в результате чего на столешнице для начала оказалась пепельница с полуистлевшим окурком, затем она куда-

то испарилась. Также образовывались неведомые вещицы и наконец появились фужеры да бокалы, огурчики да помидорчики, всевозможная закусочка, разноцветные салфеточки и обязательный штоф с прозрачным напитком. Ефимыч не унимался и продолжал делать пассы руками, в результате чего огурцы для начала самостоятельно замариновались, потом вообще превратились в кабачки, а помидоры – в чеснок.

– Чаёк вам хороший, заварной, – веселился дедулька, в то время как я с изумлением смотрел на бывший штоф с вином, чудесным образом преобразовавшийся в самовар. – Или не так, – произнёс задумчиво старикашка, а по совместительству – чародей.

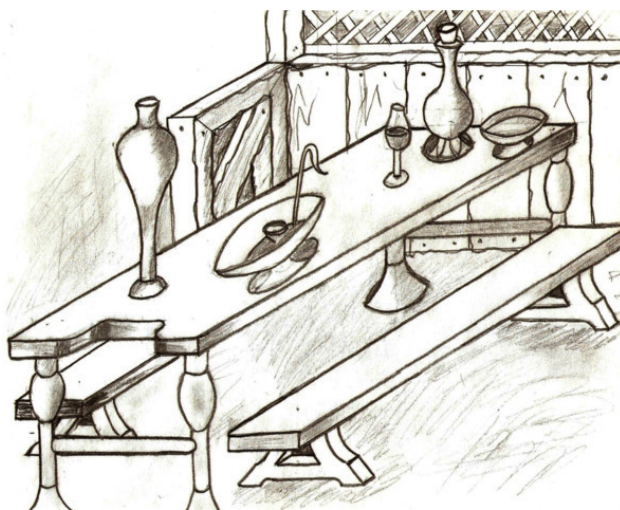
Далее он оглядел присутствующих, немного подумал и вернул всё на свои места, как было раньше.

Я потянулся за огурцом, но Ефимыч удержал меня за руку, предупредив, что он очень сладкий, и вообще старик пока не научился творить настоящие овощи, соответствующие вкусовым качествам. Да и, собственно говоря, стол – это миф, некогда ранее описанный великим писателем и поэтом.

– Скатерть-самобранка, – обомлел я, преклоняясь перед творчеством лукавого деда. – Прямо как из сказки.

Дед ухмыльнулся и произнёс:

– Ну, после того, как я её прочитал, вдруг начал изобретать всевозможные безделушки да штуковины, приманочки для таких вот любопытных господ, как вы, твое сиятельство, любезный друг и почётный гость клана Ватрушек.

Глава 6. Неожиданная свадьба

Спустя некоторое время к столу потихоньку начали сходить гости. Они прибывали то по одному, то по двое, трезвые, пьяные, чистые, грязные, умные, глупые, но, в общем-то, хорошие люди и вдобавок честные в своей простоте. Они даже не собирались делать вид, что обладают высокой культурой и чистотой нравственности, просто были сами собою. Из-за этого складывалась обстановка без лишнего напряжения да неуместного пафоса, каждый жил как хотел, поскольку не намерен был соревноваться с соседом, чтобы показать, какой он хороший и правильный, в отличие от него.

Земледельцы, скотоводы, они искренне шутили, столь же искренне смеялись, подначивали Кайю к свадьбе, глумились надо мною, но атмосфера была такова, что я не обижался ни капельки, благодушно улыбался и, наоборот, старался шутить легко да доброжелательно, на их уровне, однако обходил щекотливую тему свадьбы.

С этими людьми я, в общем-то, сошёлся во взглядах, понял их нравы и полюбил за прямолинейность, простодушие, чистоту мыслей и полное отсутствие у них в душе чувства зависти, склочности, трусости да глупости, свойственной лживому и весьма лицемерному человеку, напрочь погрязшему в устоявшемся бытовом мнении, который, будучи его рабом, попросту отупел, воспринимая мир как сборник законов о морали и сильно опасаясь его разрушить.

Был один момент – это когда они в шутку чуть было не передрались друг с другом после того, как поспорили, чей помидорчик слаще, явно похваляясь обустройством своего участка. В другой раз, обсуждая урожай винограда, громко кричали и хватались за ножи, но в дело их не пускали, а только ограничивались лишь синяками да ссадинами, топорщили усы да изошрённо баловались матерным слогом, не забывая каждый раз поднимать указательные пальцы вверх и при этом гордо, весьма снисходительно поглядывать друг на друга.

В их дела мне соваться не было смысла, поэтому я, прислонившись к стенке веранды, вкушал великолепнейший виноград вместо химического заменителя еды, перенимал у них мимику, жесты. Копируя их, молча поднимал указательный палец к небесам и, как самый настоящий зритель, с восторгом наблюдал за живой игрой актёров, импровизирующих свой собственный образ жизни.

Я чувствовал, как все страхи перед этими людьми уходят прочь, и теперь уже их не боялся. Я полюбил их искренне и нежно, этих грубых неотёсанных мужланов, прочувствовав всей душой разум чужестранца, уловил мысль и тоску оттого, что вот уже много лет прожил на своём веку и так мало узнал до этого людскую натуру, привычки, быт и культуру поведения, даже не подозревая, что подобное имеет место в мире быть.

Временами мысли уносились в некую неясную мечту, ощущение радости было безгранично оттого, что мне всё же дан шанс успеть изведать и понять ещё великое множество людей и их особенности, прочувствовал сладостное предвкушение счастья и неистовой любви.

«А впрочем...» – оборвал я свою мысль, так её и не закончив, потому что...

– Ну, здравствуй, зятёк, – послышался надо мною ехидный женский голосок. – Предложение уже сделал? – раззадорившись, не унималась моя будущая тёща.

– Что? – уставился я на мать Кайи.

– Зачем ты держал её за руку? – допытывалась она у меня. – Зачем повёл в народ? – уже недовольно высказывала мне жена вождя. – Негодяй! – гневалась она. – Обесчестил ни в чём не повинную девушку и теперь говоришь мне прямо в глаза, что ты не виноват?! – свирепела женщина. – А ну отвечай! – Она уже не гневалась, а просто орала, явно переигрывая роль матери, заступающей за ребёнка.

Все это видели и смеялись от души.

– Зачем ты отрекаешься от брачных уз? – устало спросила она напоследок и умолкла, давая тем самым мне шанс оправдаться и заодно повеселить зрителей, которым к тому времени уже надоело мериться своими овощами, поднимать пальцы вверх и топорщить усы.

Поскольку я ничего подобного не говорил, да, собственно, и не думал отрекаться, отвечать мне было нечего. Я лишь в недоумении раскрыл рот и заморгал глазами.

– Подонок! – уже верещала она, – Немедленно женись, а то обесчестишь наш клан и будешь проклят на века!

А вот тут уж я хотел ей возразить и попытался вставить слово, но этого у меня не получилось.

– Ах, ты не хочешь?! – продолжала она, не оставляя мне ни малейшего шанса вклиниться в разговор и оправдаться. – Подержался за руку, отвёл куда-то. Женись! Я тебе приказываю! – набросилась на меня с кулаками будущая тёща.

– Отлично! – возликовал я, когда наступила очередная словесная пауза. – Я согласен жениться!

Но она, по всей видимости, меня не услышала.

– Бейте его! – негодовала женщина. – Он не хочет жениться!

– Дорогая, отстань от молодого человека, – мягко произнёс вождь клана Ватрушек, едва переступив порог веранды. – Ты же не услышала, что он согласен взять нашу дочурку замуж.

– Держите его! – верещала будущая тёща. – Свяжите верёвками ему ноги, сейчас я его буду загонять в угол. Он сбежит от нас, так и не женившись на дочери.

– Ещё раз повторяю, – поглаживая меня по голове, спокойно продолжал вождь. – Никуда он от нас не денется, – шутливо произнёс он напоследок, прислонив к моему виску огромных размеров пистолет, после чего все окончательно развеселились и принялись сочинять тосты за будущих молодожёнов.

Вот таким вот образом сватовство и состоялось. Ватрушка по имени Кайя светила от счастья, а я был обескуражен и изрядно подавлен судьбой. Разглядывал пистолет, направленный вождём в мою сторону, а по совместительству – надзирателя и необыкновенного диктатора.

Я ощущал лишь то, что мною управляют, но тем не менее мне это было приятно. Да, в конце-то концов должен же я когда-нибудь обзавестись семьёй, обосноваться на своей земле, приобрести собственные вещи, окопаться в благополучии, спокойствии и умиротворении в окружении ребятишек и любящей жены!

Не успел я до конца додумать эту мудрую мысль, как семейство Ватрушкиных энергично взяло меня под локотки и повело к себе в дом, где с меня быстро сняли мерки. Затем раздели до пояса, принялись распарывать мой пиджак, перекраивать его и, наконец, перекрашивать бедолагу в чёрный цвет.

Такая же горестная участь постигла мои брюки, и даже обувь эти садисты не пощадили. Обувка из тряпичной непонятным образом превратилась в кожаную. Как я догадался, вождь нанёс на неё слишком много гуталина. А далее, спустя три часа, меня подвели к зеркалу. Я себя в нём не узнал – видел лишь испуганное лицо и тёщу, озорно подмигивающую мне и приговаривающую:

– Эх, жалко, волосы у тебя не того цвета, – сетовала она. – Не сочетаются с пиджаком. Может быть, побрить его наголо или перекрасить? – озорно глумилась надо мною тёща, и тогда показывался в зеркале облик вождя, одобрительно кивающего ей в ответ, периодически поглаживающего мою бедную голову, иногда порываясь сходить в сарай за краской или ножницами, чтобы исправить это досадное недоразумение.

Глядя на меня, Кайя подленько захихикала, чем и определила свою участь великой мученицы, потому что увлечённые манипуляциями надо мною её родители попросту забыли

о дочурке. И вот теперь, благодаря легкомысленным смешкам, переключились на неё и направились в её сторону, оставив меня в покое, загнали-таки веселящуюся деваху в угол.

Кайя верещала, отбивалась от них как умела, но лютующие родители уже окружили её, словно акулы, не оставляя бедняжке ни малейшего шанса вырваться на свободу.

Сорвав с кровати простыню и крепко сжав в руке ножницы, моя будущая тёща приблизилась с кровожадным видом к Кайе, надела ей на голову ткань и начала энергично манипулировать инструментом портного, превращая простыню в изделие ритуального агентства Гименея.

Кайя-Ватрушка истошно верещала, но при этом не забывала с любопытством разглядывать себя в зеркалах, явно гордясь великолепным, вновь приобретённым нарядом, сучила ручонками, деловито поправляла на голове бывшую простыню, а ныне фату, шумела, вздыхала, пытаясь вызвать жалость к своей особе, и бранилась неумело, стыдливо да неловко, глядя в мою сторону.

Этот балаган я смог выдержать не более тридцати минут, поэтому, когда нервная система предложила мне свою капитуляцию, пробкой выскочил в сад и волею неумолимого рока и случая упал в широкие объятия главы семейства Ватрушкиных, клана Ватрушек, а по совместительству – моего будущего тестя, Великого вождя племени.

– Не уходи, дорогой, – мягко молвил он. – Ты на острове, у меня, однако, длинные руки, так что, золотой мой, не переживай: везде тебя искать буду и обязательно найду. А теперь посиди со мной и не ёрзай, буду угощать тебя чачей. – С этими словами он скрылся в сарайчике, оттуда зашумело и донеслось до моего слуха бранное слово.

Мои попытки уклониться от злоупотребления алкоголем были уничтожены напрочь. Через двадцать минут я уже в умилении целовал тестя в щёки и лоб, постоянно называя его папой.

Мой новый папа также периодически убегал в дом и выносил из него всевозможные подарки, которые я с благодарностью разглядывал, расспрашивая о том, что они означают и как применять их на деле. Привязывал к удочкам поплавки, навешивал на леску грузики, собирал да разбирали всевозможное оружие, деловито чистил его, удивлялся замысловатому часовому механизму, созданному хитроумным Ефимычем, и надевал кольчугу, любуясь инкрустированной рукояткой меча, который выковал великий прадед клана.

Казус произошёл, когда вождь подарил мне арбалет, а я, не ведая сего предмета, случайно выстрелил ему в ногу. Затем испугался и скрылся в доме, откуда меня немедленно прогнали, потому что невеста примеряла уже готовый подвенечный наряд и, согласно выдуманной примете, не желала того, чтобы жених видел её свадебное платье до торжества бракосочетания.

Я долго находился в тёмных сенях, которые служили мне укрытием между орущим матерным слогом будущего папы и весьма авторитарными женщинами, да попросту не знал, куда себя деть, поэтому тихо отсиживался, прислушиваясь к окружающей обстановке.

Через некоторое время наконец всё зловеще утихло, а я принялся мысленно придумывать для себя всяческие наказания, приготовленные с их стороны, и изощрённые пытки, адресованные моей особе. Но вскоре оказалось, что ничего ужасного не происходит; женщины вышли в сени, натолкнулись на меня, взяли под руки и проводили во двор к тестю, который уже вытащил стрелу из ноги и теперь сидел с безмятежным видом за столом на веранде да покуривал трубочку мира, хитро шуруя в мою сторону и что-то выжидая, понятное только ему одному. И не напрасно...

Вновь собрали гостей. Вождь произнёс торжественную речь, пафосно принялся разглагольствовать о любви, священных узах брака, об институте семьи и так далее. А под конец своей блистательной речи пожелал молодожёнам смерти в один день. Далее нарёк нас мужем и женой, раскланялся и был таков.

Гости заплодировали его пламенной речи, не обращая на меня с Кайей ни малейшего внимания, пошептались между собой и принялись собирать деньги на свадебное путешествие.

Затем разбрелись по своим делам, но ненадолго. Через тридцать-сорок минут они вновь появились на участке вождя, принеся с собою кто стул, кто бутылочку сильно купажированного напитка, кто угощения да варенья, а некоторые – просто свою не запятнанную дурными поступками совесть, хоть и без подарков, но с шутками и весьма недурственными прибаутками собственного изготовления, которые очень сильно подняли нам и всем остальным господам и дамам настроение.

Один из островитян даже подарил мне тетрадочку с собственными стихами в рукописном изложении, на что я прослезился этому поступку, поскольку, как мне шёпотом сообщили островитяне, сам Великий вождь долго выклячивал её у автора, пытаясь организовать библиотеку на острове, планируя начать её с тетрадочки, но безрезультатно.

Стихи оказались весьма недурственными, с чувством юмора, немного с матерщинкой. Они описывали гармонию жителей с природой и жизнь островитян. Один из стихов скромный автор посвятил своей особе, и назывался он «Посвящается великому герою и поэту Самописчу».

Крепко пожав руку Самописчу, я огляделся по сторонам и принялся ждать следующего подарка.

Ефимыч задерживался дольше других, и впрочем, не зря. Как оказалось впоследствии, он за всё это время у себя в экспериментальной кузнице, раздул меха и умудрился-таки, шельмец, сковать для нас обручальные кольца из загадочного драгоценного металла. А затем вложить камушек в оправу кольца невесты и сковать маленькую гиричку для меня, припаяв её к моему кольцу.

Гости рассмеялись над шуткой хитроумного деда, а вождь развеселился настолько, что упал со стула и засеменял ножками в воздухе, держась за живот, пока его не поставили на ноги и не усадили на скамейку.

Мы обменялись кольцами, Ватрушка восхищённо смотрела на драгоценный камушек, ярко играющий на солнце, я же задумчиво, угрюмо и обречённо поглядывал на гирьку, привязанную к моему пальцу, иногда с завистью обращая внимание на ликование Кайи, теперь уже ясно понимая, что не всё так просто будет в этой новой для меня жизни.

Гулял и праздновал нашу свадьбу клан Ватрушек аж до самого утра – веселился беззаботный народец себе и вождю на потеху, пока тот, видимо, устав от забав, не ударил о землю своим величественным посохом. После этого жители потихоньку начали расходиться по своим Ватрушкиным делам. Ефимыч деловито пробормотал что-то о своей новой задумке и, быстро откланявшись, заспешил куда-то, но явно не в сторону своего дома.

Далее вождь, а по совместительству – грозный и авторитетный владыка собрал для нас два маленьких чемоданчика, отдал билеты на пароход, деньги, собранные честным людом, и приказал нам отправляться на причал. Там нас будет ожидать пароход, который должен отвезти молодоженов в свадебное и достаточно увлекательное путешествие на Остров №2.

Глава 7. Новые открытия

Капитан белоснежного свадебного парохода закурил маленькую пафосную трубочку и начал привязывать к борту корабля разноцветные надувные шарик. Затем куда-то скрылся; далее слышался сначала вой сирены, после чего прогремел салют.

Седобородый матрос торжественно стоял на трапе и отдавал нам честь. Вернувшись обратно, капитан свистнул чуть ли не мне на ухо и отдал приказ матросу отчаливать, а сам скрылся на капитанском мостике. Глуховатый матрос, видимо получивший эту досадную для него болячку, благодаря привычке капитана громко свистеть, неторопливо начал развязывать веревку, соединяющую пароход с берегом, а мы с Ватрушкой уселись за стол, где нас ожидала бутылочка шампанского, покоящаяся в ведерке со льдом, шоколадки да огромный свадебный торт с нашими именами.

«Как вождю так быстро удалось всё это дело обстряпать?» – недоумевал я, наливая в бокал шампанское и наблюдая за тем, как свадебный пароход, словно ленись, медленно отходит от берега.

Матрос вальяжно развалился в гамаке и начал похрапывать. Со стороны рулевой рубки иногда вырывался табачный дымок – видимо, капитан опять набил свою трубочку. Всё вокруг было очень мирно и покойно, свадебный пароход неспешно раскачивался на волнах, а я сонно наблюдал за всем происходящим, постепенно погружаясь в дрему, мечтая вот так и дальше прожить оставшуюся жизнь – в безмятежности да в гармонии с окружающим миром.

На следующее утро мы вошли в свадебное море. Ватрушка недоумённо повертела вокруг себя головой и возмущённо воскликнула:

– Нас обманули! – экспрессивно кричала она. – Море не белого цвета!

– Ну почему оно должно быть белым? – недоумённо допытывался я.

– Как почему? – недовольно бормотала Ватрушка. – Фата же белого цвета, или нет, платье белого цвета, или я ошибаюсь? Свадебное море тоже должно быть белым – вот поэтому нас и обманули. Везите нас куда положено! – кричала она, обращаясь к ни в чём не повинному капитану.

Я мудро молчал, поглаживая её по голове, и понимал, что спорить с ней нет никакого смысла, потому лишь тихо произнёс:

– Не всё так, как кажется, должно называться.

Таким вот образом мы потихоньку приближались к Острову №2, который был уже отчётливо виден и выделялся чёрным пятном среди золотистых волн, окрашенных ярким сиянием южного солнца. Остров на горизонте вырастал на глазах, поэтому я принялся считать минуты, отделяющие нас от земли.

Из рулевой рубки опять пахло табачком, показался сизоватый дымок – видать, капитан закурил трубочку заново и ожидал манёвров, готовясь причаливать свой свадебный пароход к пристани. Глуховатый матрос проснулся, зевнул, посмотрел на часы и лениво проследовал к верёвке, намереваясь приготовить её к воссоединению парохода с берегом.

Мы вышли на землю, капитан с матросом пожали мне руку, а Кая недовольно фыркнула им в ответ на прощание. Затем опять увидели салют в нашу честь и пошли прочь от причала.

Я изредка оглядывался на уходящий в море свадебный пароход, с теплом в душе вспоминая доброжелательного капитана и глуховатого седоусого матроса. Войдя в деревню, утопающую в растительности, мы обосновались в маленьком домике, который находился, к нашему сожалению, на краю деревни, но зато вблизи небольшого прудика, полного карасей и рыбаков, по пояс залезших в водоём. Они с огромным удовольствием забрасывали свои удочки на середину пруда и буквально через каждые пять секунд получали для себя новую рыбёшку, однако снимали её с крючка и отпускали обратно на волю.

Я сидел на крылечке, дивясь пасторали и гармонии человека с природой. Ватрушка строила планы на будущие дни, восхищённо описывая достопримечательности острова, обнаруженные в путеводителе, я же впервые в жизни слышал такие термины, как «дольмены», «сероводородные источники» и прочие необычные выражения, кажущиеся мне ругательствами.

Но об этом расскажу далее, более подробно и по порядку.

– Что такое дольмены?! – воскликнул нервный гид.

И тут его понесло:

– Учёные! – гневно поднял он указательный палец вверх. – До сих пор ломают себе головы над этим проявлением нравственности и ума первобытного человека, который, ещё будучи не избалованным благами цивилизации... – Гид поперхнулся и продолжил: – Был объединён с природой, умел творить и создавать вещи себе по душе, а не по приказам торговца, вздумавшего паразитировать на человеческом обществе и сгребать себе жалкие разрисованные бумажки, пользуясь человеческой глупостью и заранее отняв у него мозг...

Из его речитатива я только и понял, что он чем-то недоволен, поэтому попытался переспросить, но он, не слушая меня, продолжил:

– ... приучая к повадкам черни, – тут он задумался и продолжил: – Благо изобрёл для своей особы средство массовой дебилизации или информации, это как вам будет угодно, – нервный экскурсовод вскричал фальцетом, – наняв искусных менеджеров по обработке информации, перешагнувших ту грань, когда человек становится животным и воспринимает весь мир только при помощи денежных знаков и массовости информации, преподносимой нам сверху сектой торговцев. И этот пример особенно четко выражен на Дальнем острове! – уже орал с искаженным лицом он.

– А теперь я буду изгонять из тебя злых духов! – указал он пальцем на Ватрушку.

Кайю запихнули в какую-то глухую комнату, продев её через круглую дырку. Она визжала, словно поросёнок, затем с любопытством выглядывала наружу, словно тушканчик, и не понимала, что с нею происходит.

– Самоочищайся! – молвил грозно гид.

После чего Ватрушка опять скрылась в каменной комнате и тихо, словно мышка, там сидела, надеясь что-то понять и осмыслить.

– С вас двести, – строго глядя на меня, продолжал он, с интересом заглядывая мне в карман.

– Природа разрушена, – с горестью ответил я и протянул ему дань, после чего Ватрушку выпустили на свободу, а меня заточили в дольмен.

Я сидел в нём долго и вдумчиво, пытаюсь понять идею предков и стараюсь представить себе, зачем сие сооружение было изобретено. В голове почему-то крутились неясные образы мамонта и первобытного человека, чья воля и тяга к жизни, а впоследствии – и приобретённая поколениями мудрость привели бы к идеальному общественному строю. Этому не суждено было сбыться, поскольку с развитием цивилизации человек, повинувшись стадному чувству и мастерству кукловода, придумавшего, как из человечества сделать скотину или на худой конец рабов для себя, напрочь потерял гармонию с природой, даже не замечая того, что природа уже его начала отторгать.

Было очень грустно и сыро, поэтому я попросился на волю. Теперь уже Ватрушка передала дань экскурсоводу – и меня отпустили на свободу.

Настроение окончательно испортилось, потому что это послужило как бы подтверждением моим мрачным мыслям о крохоборстве. Я желал лишь загладить удручающее впечатление от увиденного следующим зрелищем в надежде вернуть обратно хорошее настроение и таким образом больше не задумываться о столь грустном проявлении человеческой алчности, глупости или глупой жестокости, вызванной недостатком интеллектуального потенциала.

Вернувшись в деревню с намерением смягчить впечатление от дольменов, мы заглянули на местный рыночек в надежде прикупить себе немного вина. Оно зело приходится по вкусу местным жителям.

Мы вошли в дом, и я, испытывая обиду на человеческую глупость, желал напиться. С первого раза откупорить вино у меня не получилось, поскольку, переволновавшись, я сильно дёрнул за пробку – и бутылка, выскользнув у меня из рук, в полёте обрызгав низенький потолок, упала, разбившись об пол.

Кайя недоумённо и ошарашенно смотрела на испачканный вином некогда белоснежный потолок, то и дело повторяя:

– Как теперь мы будем смотреть хозяйке в глаза?

Я постоянно подливал себе в бокал из другой бутылки вина и бездумно смотрел на узоры, оставленные на потолке.

– А может быть, сбежим отсюда, пока не поздно? – уговаривала меня Ватрушка.

Но я ей не отвечал, желая добиться душевного равновесия, что у меня получилось после пятого бокала. Мозг начал проясняться, настроение поднялось, и я стал хохмить по поводу этого досадного казуса, предлагая то сжечь хижину, чтобы не было так стыдно за свою неряшливость, то свалить всю вину на предыдущих жильцов. А то вообще полностью залить потолок вином и сказать, что так и было.

Я веселился, одновременно соображая, как исправить столь плачевное положение. Когда мне это надоело, то вышел на улицу, прошёл несколько домов и оказался в баре, чтобы подумать, как поступить с этим несчастным потолком. Там взял себе штоф с вином и медленно его попивал. Рядом со мной сидел худосочный мужик и порывался вступить с барменом в разговор на тему, чтобы тот дал ему пива в долг, но бармен долго не соглашался. И всё же дядьке удалось его уговорить, и тот, взяв в руки мелок, записал на доске фамилию посетителя и сумму долга.

Меня как током дёрнуло. Я расплатился и принялся умолять бармена подарить мелок, на что он предложил заказать ещё один штоф, в результате чего я согласился, понимая, что мелок уже в моей собственности.

Вернувшись в хижину, я принялся водить белоснежным мелком по потолку, но на нём оставались лишь царапины да борозды. Однако тем не менее неясная идея находилась где-то уже совсем близко.

– На рынок пойдём! – вскричал я. – Краску купим.

После чего мы заторопились.

Найдя краску с кисточкой, я долго перекрашивал весь потолок в белоснежный цвет на радость так и ничего не узнавшей хозяйке. Раззадорился до того, что уснул лишь в полночь, потому что, увлечшись собственным изобретением, я был доволен своей смекалкой и поэтому наносил слои краски за слоями, пока та попросту не закончилась.

Вот таким образом прошли первый полноценный день пребывания на острове и начало медового месяца.

На следующий день к нашему крыльцу подъехал высокий автомобиль с широкими колёсами и просигналил, приглашая на посадку. Я, увидев в окно водителя, сообщил Ватрушке, что за нами приехали, после чего та усердно закопошилась – и через пять минут мы уже сидели в автомобиле, который, взревев мощным мотором, резко дёрнулся с места. А после начался ужас.

Машина въехала в близлежащие кусты и куда-то вниз, я ничего не понимал и только успевал загораживать лицо руками от веток, в охлёт бьющих меня со всех сторон. А далее происходили совсем странные вещи – те, что не укладывались в моей голове.

«Водитель сошёл с ума! – лихорадочно пытался думать я, пересиливая эмоции. – Он нас угробит!»

Упав в очередную яму, автомобиль вдруг оглушительно взревел всеми своими могучими лошадиными силами, и мы, к своему ужасу, поплыли по реке, вернее – поехали по ней, поскольку ощущали, что сильно трясло и постоянно кренило то вправо, то влево. Я сидел в нём словно в лодке, с которой случилась пробоина, и наблюдал, как вода подбирается к моим коленям.

Была бешеная скорость. Ватрушка визжала и подняла юбочку настолько, что показались трусики, но мне было не до этого – я не обращал на неё никакого эротического внимания.

Внезапно адская машина подскочила вверх и накренилась так, что автомобиль чуть не завалился набок, но водителю всё было нипочём. Я лишь крепко держался за поручень и, цепenea, предчувствовал приближение смерти. Но это были ещё цветочки по сравнению с тем, что произошло дальше. Сильно газуя, да так, что наши лица покрылись копотью, садист и довольно сумасшедший водитель направил бешеный автомобиль к большому озеру. Далее я не помнил ничего, кроме брызг и фонтанов, бьющих мне в лицо.

Вдруг всё стихло.

– Приехали, мои хорошие, – ласково произнёс наш водитель, которого я после всего случившегося возвел в чин божества. – Буду ждать вас здесь, в тенёчке. Вы же хотите доехать обратно?

– Нет! – пропищала Кайя сорвавшимся голосом. – Я лучше пешком обратно пойду.

– Да нет, – ласково умолял водитель, – не дойдёте.

Я ощутил ужас от того, во что вляпался, а особенно чувствовал скорбь, потому что нам предстояло испытать то же самое на обратном пути. Водитель, наконец-то угадав наши мысли и опасения, произнёс:

– Я просто хотел вас развлечь, чтобы все окончательно развеселились. Не взывайте, обратно повезу тихо и другой дорогой, хорошие мои, – расслабленно произнес он.

После чего накрыл автомобиль тканью и удалился отдыхать на скамеечку, расположившуюся под деревом на самом краю обрыва, который открывал великолепный вид на озеро. Я узнал его – ведь мы недавно форсировали сей водоём, – поэтому хорошо запомнил окружающую его местность, всю покрытую жёлто-зелёными красками природы.

Мы прошли немного по просеке в ожидании необычного, бурно обсуждая адскую транспортную и радуясь, что обратно поедем с комфортом, но наткнулись лишь на ручеёк, неприятно пахнувший тухлыми яйцами.

– Это сероводородные источники, – пояснил нам мужик, который сидел на берегу и купал свои ноги в ручье. – Он очень полезен для организма в целом, а если его пить, то особенно полезен для пищеварения и кишечника.

Я посмотрел на его жирные ступни, находящиеся в воде, представил, как я эту противную воду буду пить, – и меня начало сильно подташнивать. Оступившись, я высвободил утробную смесь мужику на левое плечо и поёжился, ожидая удара в ухо, но ничего подобного не произошло. Мужик омыл плечо из ручья, улыбнулся и произнёс:

– Сам так начинал, ничего в этом страшного нет. Ты испей водички. Станет легче, а ноги я уберу. Течением принесёт свежую воду, угостись ею, но, пожалуйста, я тебя умоляю: когда опять затошнит, держись от меня подальше, а то ненароком получишь в глаз или в нос, я просто ещё не решил, куда ударить. – И с этими словами человек улёгся на песок, подставив своё толстое тело лучам солнца.

Несмотря на отвратительный запах, сероводородная водица пришлась мне по вкусу. Я пригласил Ватрушку отведать её из ключа, но она наотрез отказалась. После чего мужик опять подошёл, опустил свои ноги в ручей и, по-видимому, погрузился в свои мысли.

Я ещё раз извинился перед ним за свой проступок, и мы, попрощавшись, направились далее. И вдруг... перед нами материализовался Ефимыч.

– Как ты тут оказался? – воскликнула Ватрушка, в то время как я медленно погружался в полубоморочное состояние.

– Да я не здесь, а там, просто сочинил мудрёный ящик и теперь могу чудиться вам повсюду. – Дед сделал удивлённое лицо и почесал затылок.

– Телепортация называется, – с умным видом произнёс я гордо.

– Да не то, неправ ты: из ящика моя голограмма гуляет по всему миру.

Он на мгновение пропал из виду, но тут же показался его облик на небосводе, хитро подмигнул нам лукавым глазом и вовсе исчез. Затем в небесах показался вождь, сурово сдвинув брови, погрозил мне пальцем и растворился в ближайшем облачке.

Ватрушка рассмеялась, не поняв ничего из происходящего вокруг, а я принял решение идти дальше, надеясь избавиться от увиденной мною бесовщины, по дороге размышляя о том, какие психиатрические лечебницы мне придется по душе.

Мы вошли в прохладную тень. Я немного отдохнул от впечатлений и решил подниматься вверх по реке, навстречу к водопадам.

Шли мы по воде долго, со временем за нами увязался щенок. С ним переходили реку несколько раз, надеясь избавиться от непрошенного гостя, но всё было безуспешно. Разглядев неподалёку деревню, я услышал лай местных собак и намеренно направился в сторону ближайшего жилища. Навстречу выбежала огромных размеров псина и негромко залаяла. После чего наш нечаянный попутчик присоединился к ней, предпочитая находиться в стае, нежели кочевать с людьми вдоль реки, тем самым оставив нас в покое.

Мы облегчённо вздохнули и отправились вверх по реке далее, осторожно ступая по осклизлым камням, боясь оступиться. Затем вышли на берег и дружно зашагали вдоль неё.

– Змея! – неожиданно закричала Ватрушка и принялась бегать вокруг камня, где этот гад, по-видимому, грелся на солнышке. Я, устав от впечатлений, близоруко прищурился и, ничего не разглядев, мудро вошёл обратно в воду, поднял голову вверх и закрыл глаза в ожидании окончания спектакля. Также одновременно размышлял о природе женской логики, поскольку не понимал её. А именно – зачем она крутится вокруг змеи, пугает её, вместо того чтобы отойти в сторону и продолжить путь далее?

Итак, Кайя бегала вокруг змеи, верещала, но ей так и не пришло на ум, как избавиться от столь неприятной ситуации.

– Иди сюда, в реку, – уговаривал я её, но она меня не слышала, только повиновалась первобытному инстинкту. Поэтому мне пришлось выйти на берег и утянуть её за руку обратно в водный поток.

И опять мы ступали по воде, даже не ведая о том, что уже давно шли по притоку, а настоящая река ушла от нас вбок, прячась под камнями и уводя к водопадам, которые питали укрывшиеся от глаз человека потоки, в свою очередь насыщающие Свадебное море.

Нас обгоняли длинные угри, похожие на змей, да веселящаяся в воде, нагретой приветливым солнышком, мелкая рыбёшка. Я, разомлевший, даже не помышлял их вылавливать в корыстных целях, а лишь желал присоединиться к природному естеству, преклоняясь перед совершенством мироздания, определяющего им место жить и особо не задумываться об инстинкте самосохранения.

– На, держи. – С этими словами Кайя отдала мне в руки камушек. – Я слышала, что тот, который с дыркой, надо поднимать и беречь его – он приносит счастье.

Мягко говоря, камушек, может быть, и был счастливый, однако весил аж под два килограмма. Я безропотно повесил его себе на шею, опечаленно смотря на гирьку, привязанную к моему пальцу, оглянувшись на Ватрушку, которая, любовавшись камешком, вправленным в своё колечко, с шутками да прибаутками смеялась над камнем – тяжким бременем, повисшим на моей шее.

«Ефимыч-предсказатель, будь он неладен!» – с печалью и раздражением думал я.

Но, повинувшись законам супружеской жизни и её быту, продолжал идти далее, не смея снять груз со своей шеи и даже не подозревая, как в дальнейшем сложится моя нелёгкая судьба.

Где-то в районе полудня наш путь вверх по реке был вынужденно остановлен, поскольку мы банальным образом очутились в тупике. Он был выражен в виде завалов брёвен, огромных валунов, на которых рос мох, и фрагментов скал, свалившихся с вершин гор. Поэтому мы решили, что дальше идти опасно, развернулись и отправились обратно к нашему водителю, чтобы тот довёз обратно до Свадебного моря.

Спустя несколько часов мы вошли в деревню ужасно проголодавшиеся и отправились на местный рынок за продуктами, поскольку я вдруг захотел приготовить на ужин нечто оригинальное.

Вечером я суетился на кухне: чистил и разделывал рыбу, запихивал в неё всевозможные приправы да овощи, жарил картошку, периодически оценивая рассматривая покрашенный мною потолок.

На этом очередной наш свадебный день был окончен.

Глава 8. В гостях

Наутро, посоветовавшись, мы решили посетить одно прелюбопытнейшее местечко, а также наведаться в гости к горцам, где надеялись приобрести местные продукты, сувениры и перенять их знания да опыт.

Выйдя из дома и обнаружив молодого водителя-аборигена, стоящего рядом со своим автомобилем, Ватрушка тут же заявила, что желает отправиться к водопадам. Я же скромно стоял за её спиной, держа рюкзак, и ожидал приглашения.

– Пожалуйста, присаживайтесь, где вам будет удобно, – произнёс водитель. – Величать меня Сурик. Сейчас мы отправимся в увлекательное путешествие, но сначала подберём по дороге ещё двух человек и ребёнка.

Устроившись на заднем сиденье и не успев проехать двухсот метров, остановились. К нам в машину полезли полный, крепкий дядька, его жена да ребёнок семи лет от роду. Дядька сел рядом с водителем и сразу о чём-то начал с ним оживлённо беседовать. Водитель, по видимому, с интересом отвечал на его вопросы, а я чувствовал обиду, потому что на меня собеседники не обращали ни малейшего внимания.

– Тут источники сероводорода, – остановив автомобиль, сказал Сурик. – Перекурим, а также отдайте мне свои фотографические камеры – сейчас я буду вас щелкать на память.

Дядька со своей женой и ребёнком моментально пристроились к желобку, по которому медленно стекала вода, и постарались сделать жизнерадостные физиономии. Я тоже вдруг захотел запечатлеть себя пьющим воду из желоба и поэтому набрал воды в ладони, после чего Сурик сфотографировал меня, а я, испив сей продукт, опять почувствовал тошноту. Видать, не судьба баловаться мне столь специфическим напитком.

Ватрушка же долго не решалась отведать целебной водицы, поскольку обнаружила на желобке налёт, который внешним видом, а особенно запахом был похож на яичный белок. Она тихо призналась мне в непереносимости данного продукта, отчего бедняжка вынуждена отказывать себе в некоторых блюдах.

Рассмеявшись, я утешил её, сообщив следующее:

– Это не куриные яйца, а минеральный источник.

На что Ватрушка храбро подставила ладошки под ручеёк, испила водицы, затем долго морщилась, глядя на лежащие вокруг источника чашки и периодически повторяя:

– Гадость какая-то.

Сфотографировав нас, Сурик докурил сигарету и пригласил обратно в машину, на что мы безропотно согласились и расселись по своим местам, ожидая дальнейших приключений, которые окажутся по маршруту следования.

На полпути к водопадам придумали прикупить себе что-нибудь интересное. Когда остановились на маленькой площадке около небольшого рынка, нас с дядькой тут же принялись бесплатно угощать. Окончив дегустацию вина, мы незаметно увлеклись чачей, которую закусывали сыром, и потихоньку доходили до интересного состояния. А в это время Ватрушка приобрела для себя блинчик сыра да бутылочку вина, и спустя некоторое время счастливая супруга отдала пакетик в мои руки, строго приказав ничего из него не брать.

После этого я отошёл за ограду рынка, спокойно закурил сигарету, наслаждаясь послевкусием от вина, периодически с любопытством заглядывая в пакетик и ожидая момента, когда Сурик пригласит в автомобиль. Ватрушка, нагло усевшись на заднее сиденье машины, звала меня присоединиться к ней – видать, опять проголодалась и хочет, чтобы я отдал ей пакет. Я заскучал и, не обращая на неё внимания, жадно втягивал никотин, постепенно поджариваясь на солнышке.

Когда Сурик отдал приказ, я вместе с семейством толстого дядьки направился к автомобилю, с укором поглядывая на наглую и весьма беззастенчивую Ватрушку.

Водитель запустил двигатель и направил свой четырёхколесный аппарат к водопадам, а Ватрушка, ухватившись за мою руку, поглощала остатки сыра, даже не дав мне попробовать кусочек местного продукта, поэтому по дороге к водопадам я сидел молча, чувствовал себя неудачником и, переживая обиду, надеялся на милость жены.

Ватрушка вертела головой и фотографировала всё, что попадалось ей на глаза. После этого каждый вечер в который раз я был вынужден удалять из нашего фотографического прибора ненужные файлы, изображавшие то мусорные бачки, то лепёшки от результата жизнедеятельности крупного рогатого скота, то спины туристов да остальные пейзажи подобного рода.

Достав из кармашка сырную соринку, Ватрушка предложила её испробовать, но я отказался от столь деликатного яства, потому что в её маленькой ладошке так и не сумел разглядеть песчинку сыра, которую она оставила мне на пробу. Оттого я отрешённо смотрел по сторонам.

Вдали виднелись горные аулы, а Сурик с бешеной скоростью периодически выскакивал на встречную полосу на пустынных поворотах, для того чтобы резко не крутить рулём и тем самым не сбавлять скорость, вёз туристов к водопадам.

Машина остановилась на небольшой полянке, Сурик заглушил двигатель.

– Высаживайтесь из машины и держитесь группой, – велел водитель. – Фотографируйте друг друга и не теряйтесь. Как только спуститесь вниз, вам сразу направо и по тропинке – там будет первый водопад «Слеза горного человека». Затем идите дальше, перейдите по деревянному мостику реку, поднимитесь по ступенькам...

Продолжение инструкции я не слушал, поскольку возложил на жену обязанности путешественника, надеясь на то, что она всё запомнит.

Пройдя некоторое количество метров, наша группа оказалась у скалы, с которой, громыхая, лились потоки воды. Соседи по путешествию тут же по очереди принялись фотографироваться.

После моего скромного предложения запечатлеть их всей семьёй на память отношения между нами наладились и стали тёплыми. Мы были счастливы, однако боялись нарушить ту хрупкую нить, если порвать которую, наступят неловкость и недоверие, резвились, словно дети, с удовольствием фотографировались, даже не обращая внимания на время и не пытаясь подталкивать друг друга идти ко второму водопаду.

Порезвившись от души и сотворив великое множество прекрасных фотографических снимков, мы обменялись впечатлениями, оставшимися от столь великолепного видения. Дальше сообща да дружно направились вверх по реке, гордясь собой и понимая то, что всё-таки мы неплохие люди и всегда поможем друг другу с искренностью, если, конечно же, кто-то сделает первый шаг к этому, найдя в себе силы преодолеть смущение и стыдливость.

Толстый дядька скромно представился Мичманом, а я, также со смущением, назвал себя Боцманом.

Мичман, так же как и я, оказался из Гавани, родился на пароходе и женился на женщине-гидроакустике, делящей с ним на корабле суровую морскую жизнь. Квартировали они в Гавани, только в северной её части, где базируется великая флотилия военных кораблей, а я, покраснев, чувствуя преклонение, сообщил достойному мужу, что с южной части острова, на что он безошибочно определил, что я моряк торгового флота.

Мы крепко пожали друг другу руки, но о сути и разнице специальностей промолчали, поскольку пытались быть корректными и боялись разрушить ту хрупкую нить, связывающую нас воедино.

Второй водопад состоял из двух каскадов. К нему вели узенькая деревянная лестница, небольшие пролёты да обзорные площадки, ограждённые деревянными, слегка прогнившими и поэтому сильно шатающимися перилами. На верхнем каскаде находилось некое подобие тер-

расы – того природного явления, когда ветер и вода точат камень. Терраса была как бы продолжением дорожки, но уже природной и очень узкой. С помоста можно было на неё выйти только преодолев металлический забор, поскольку вход был категорически воспрещён, но несмотря на это Мичман перелез через забор и направился по ней к водам, спадающим со скалы, а в это время его жена, выудив из сумки фотографическую камеру, принялась увековечивать супруга на гордость потомкам, одновременно восхищаясь его смелостью и мужеством.

Окончив фотографическую миссию, Мичман лукаво, даже загадочно посмотрел на меня и перелез через ограду обратно на помост, предлагая мне тем самым испытать те эмоции, которые, по всей видимости, пережил сам.

Я даже не помышлял отказываться от предложения, поскольку мы, морские люди по роду занятий, всегда соревновались друг с другом в мужестве и героизме, амбициях и изворотливости, поэтому с напускным энтузиазмом перелез через ограждение и направился по террасе к водопаду, крепко держась морским упругим пальцем за выемку в отвесной скале, но, всё же почуввав неимоверный страх, остановился на полдороги и с вычурной суровостью, будто ничего страшного не происходит, приказал Ватрушке сфотографировать бравого морячка. Но, видимо, со стороны мой испуг сильно был замечен.

Глядя на мою нервозность и незащитное состояние, Мичман нарочито громко рассмеялся, явно гордясь собой и тем, что с достоинством преодолел это испытание, а Ватрушка, подленько хихикая, нацелила на меня фотографическую коробку и нажала на кнопку, в результате чего от фотовспышки я оступился и чуть было не упал в пропасть с террасы, которая была шириной примерно со ступню. Крепким слогом обругав жену за то, что она не предупредила меня о вспышке, я бочком, мелко перебирая ногами, направился обратно к спасительной земле, судорожно хватаясь за каждую выемку в скале.

Мичман и Ватрушка стояли рядом друг с другом. Эти негодяи облокотились о поручень и дружно смеялись, видя моё испуганное лицо, а мне в то время было не до потех.

«Ну как мог грузный и толстый дядька, с лёгкостью преодолев препятствие, дойти до конца и даже умудрился, пощупав воду, вернуться как ни в чём не бывало?» – осторожно ступая, размышлял я.

Взойдя на деревянный помост, после того как всё же удалось преодолеть террасу, я заявил, что у меня появилась новая фобия, на что эти изверги ещё сильнее рассмеялись, но тем не менее я не обижался на них, поэтому принялся в шутливо-героической форме рассказывать товарищам о своих ощущениях.

Наша маленькая компания опять собралась в кучку и направилась вверх по мосткам в поисках третьего, самого дальнего водопада. Долго искать нам не пришлось, поскольку водопад был самым большим, своим гулом обнаруживал собственное местонахождение и, наверное, гордился тем, что был прославлен великим писателем.

Я желал реванша перед Мичманом, поэтому, сильно намочив одежду, втиснулся в пространство между горной водой и пещеркой, тем самым оказавшись в гроте. Глядя на меня, примеру последовал и Мичман, не оставляя мне шанса отыгаться за неудачу на террасе. Мы долго находились в гроте, испытывая стойкость друг друга, протягивали руки и щупали воду, спадающую с огромной высоты, которая с грохотом вливалась в озеро, что находилось у подножья скалы.

Нарезвившись, Мичман покинул грот, и в него сразу же с визгом втиснулась моя Ватрушка. Я же мудро уступил место радостной жене Мичмана и перенёс к ней ребёнка, удивлённо смотрящего на могучие струи горного потока. После этого я, окончательно выбравшись на свободу, довольный своим благородством, удачно запечатлел на память узников, находящихся в гроте.

Обратно шли молча, переживая приключившиеся с нами события каждый по-своему. У Ватрушки было счастливое лицо – видимо, она радовалась; жена Мичмана строго погля-

дивала на мужа – видать, осуждала его за столь легкомысленное и опасное поведение. Мичман, гордо подняв голову, шёл впереди и указывал нам направление, очень сильно довольный собою. Ребёнок же с интересом озирался по сторонам и выклянчивал у матери конфетку, а я представлял себе своё лицо задумчиво-испуганным.

И, наконец, через некоторое время мы увидели Сурика, загорающего в одних плавках на полянке, подставляющего своё мускулистое и так уже сильно загорелое тело лучам яркого южного солнца. Подошли к автомобилю. Неугомонный Мичман нажал на кнопку сигнала, давая Сурику понять, что все в сборе и готовы отправиться в гости к горцам.

Горцы, пока мы изучали водопады, успели приготовить специальную программу. Для начала они показали свою чайную плантацию, одновременно поведав о нюансах его заваривания. Там же, сидя на веранде, мы испробовали несколько сортов местного чая. Оказалось, что перед чаепитием его необходимо «поженить». Процедура была элементарной: просто надо несколько раз перелить заварившиеся листики из чайника в чашку и обратно, чтобы тот насытился кислородом. Я с удивлением смотрел на мужчину, который объяснял нам ритуал, и не верил, что он разменял уже девятый десяток лет, поскольку в моём представлении выглядел лет этак на пятьдесят.

Окончив чаепитие и выслушав интересную лекцию, мы прошли в соседний дворик, где милостивая девушка взяла в руки крынку молока и буквально за пять минут сотворила перед изумлёнными зрителями самый настоящий сыр, попутно объясняя секреты его приготовления и делясь рецептами разных сортов. Мы старались запомнить рецепты, чтобы, вернувшись, самостоятельно сотворить это чудо.

Спустя некоторое время нас пригласили зайти внутрь огромного дома, где, собственно, и должен был состояться праздник в нашу честь.

Сама программа состояла из шуток, танцев, всевозможных развлечений и местных легенд, которые мы слушали, вкушая жареное мясо местного горного животного, запивая его вином да чачей. Ведущий концертной программы учил нашу компанию местным танцам и даже попытался устроить конкурс среди гостей, но этого у него не получилось.

Горец собирался вызвать на сцену первую пару, затем вторую и по итогам конкурса присвоить первое место одной из них, а другую наградить серебром. Поскольку танцевать мне совершенно не хотелось, я лукаво поглядывал на Мичмана, надеясь отыграться на нём за водопады, где оконфузился.

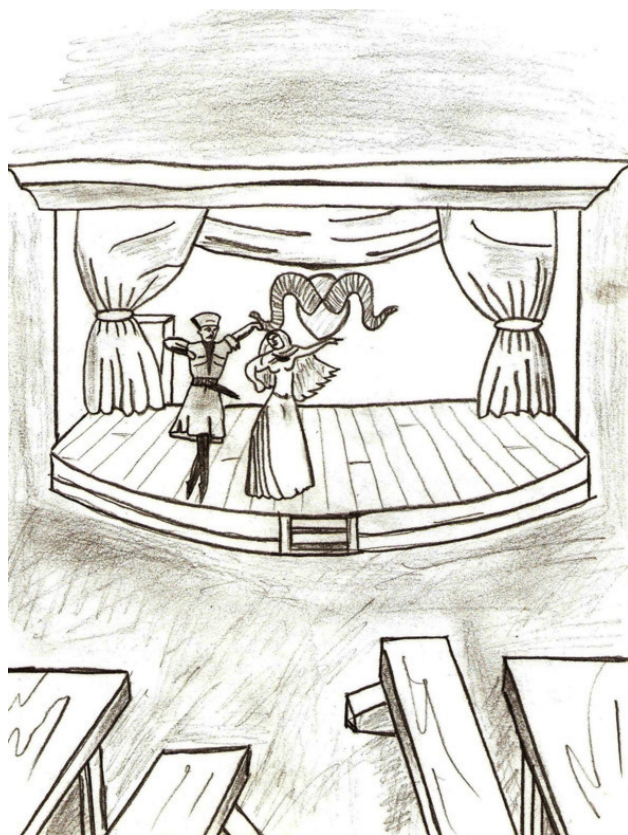
Сам Мичман к тому моменту был уже в изрядно подвыпившем состоянии и желал почувствовать да развеселить окруживших его гостеприимных хозяев. Он соревновался с ними шутками, постоянно отгалкивая могучей рукой супругу, которая краснела лицом, извинялась перед горцами и стыдилась столь развязного поведения мужа.

Ведущий программы своим посохом указал в зал на Мичмана и объявил, что гость, хоть и приравнивается к святому, однако не имеет права отказать хозяевам в танце, поэтому обречённая пара была вынуждена выйти на сцену и на потеху или удовольствие для всех станцевать.

Почему выбрали Мичмана? Элементарно. Потому, что перед этим мероприятием я предусмотрительно спрятался за угол – из-за того, что горец часто поглядывал на меня и явно собирался вызвать на танец первым. Этого я не хотел, да и вторым танцевать, даже с красивыми местными девушками, не имел желания. Бедному Мичману пришлось отдуваться за нас двоих – вот почему конкурс не получился.

Я с сочувствием посмотрел на Мичмана, вышел из-за угла, поскольку опасность уже миновала, и уселся на своё место, рядом с женой, готовый опять скрыться за стенкой, как только уловлю в жестах ведущего желание вызвать меня на сцену. Наверняка моё поведение со стороны выглядело забавно, потому что горцы едва сдерживали смех.

Ещё раз показав Мичману нехитрые приёмы танца, ведущий программы пригласил сего мужа и его супругу на круг, поскольку хитрая Ватрушка совершила такой же приём, что и я. Теперь она с любопытством выглядывала из-за угла и ликовала, подмигивая мне.

Наконец представление авторской программы четы Мичманов началось. На сцену, шатаясь, вышел очень толстый и могучий дядька по имени Мичман, а навстречу ему – его собственная супруга худосочного телосложения, похожая на тростинку. Зазвучала музыка, и Мичманиха по-лебединому, копируя движения местных девушек, принялась мелко семечить ножками. Мичман, оглушённый музыкой, видя всё это, упал на пол и тут же попытался встать на ноги. Горец помог ему подняться, и теперь Мичман пробовал встать на мыски, как делают это при танце местные кавалеры, раскинул в стороны руки и опять упал. Но он отнюдь не потерял достоинства и оставшуюся часть танца, преклонив колено, подавал руку крутившейся вокруг него жене. Я восхищался Мичманом, его бравыми действиями, находчивостью и великолепным чувством юмора.

У меня с Кайей, да, видимо, и у горцев это зрелище вызывало смех, но мы с женой, чувствуя, что не лучше их, дружно хлопали в ладоши в такт зажигательному ритму неизвестной мелодии.

После окончания танца весёлый и довольный собою Мичман поклонился, да так, как делают самые настоящие актёры в театре, послал всем присутствующим воздушный поцелуй, свалился со сцены, затем самостоятельно поднялся и, сильно шатаясь, направился к своему столику, желая продолжить угощаться чачей, запивая её местным вином.

После блистательного выступления Мичмана на сцену вышли горцы и продолжили представление, лихо и жарко творя всевозможные красивые телодвижения в танце, да так, что я проникся местной культурой и зауважал их.

Около полуночи мы, счастливые от увиденного, но сильно уставшие, попрощались с горцами и направились к нашему автомобилю. Мичман не унимался, и у меня создалось впечатление, будто он думает, что до сих пор находится у гостеприимных хозяев.

Посреди улицы он плясал, падал на землю, а мы его поднимали, брали под мышки и волокли ещё два метра, после чего ситуация повторялась. Мичман был похож на большого избалованного ребёнка. Не будь мы под впечатлениями, то дюже осерчали бы, а сейчас лишь смеялись над его выходками, шутили и старались довести весёлого толстого дядьку до аппарата о четырёх колесах, способного доставить нас до нашей деревни. Сурик, отобрав фотоаппарат у жены Мичмана, посмеивался и фотографировал это забавное мероприятие, стоя рядом с мирно спящим ребёнком, который клубочком устроился рядом с моим рюкзаком.

Нам удалось всё же усадить Мичмана в машину, но уже не без помощи Сурика, увидевшего и наконец понявшего наше устало-радостное состояние. Усадив всех поудобнее и перекинув через борт машины рюкзаки да пакетики, Сурик привычным движением руки включил мотор и отправился в обратный путь. По дороге мы долго копошились, перебирая и деля сумки с приобретённым добром, поскольку кроме вина прикупили ещё у горцев мёд, чай и разнообразные травы.

Вернувшись в свой дом, мы начали доставать из пакетов пролившийся мёд, остатки мяса, вино да чайные листики, сорванные нами с плантации (благо горцы нам разрешили это сделать), посидели на лавочке около дома, делясь впечатлениями от пережитого, и засобирались отдыхать.

Мне из-за всех впечатлений за прожитый день не спалось, и я, поворочавшись в кровати, встал, побродил некоторое время вдоль комнаты и опять постарался лечь и уснуть. К пяти часам утра меня осенило, что есть ещё вино. Налив бокал и выпив, я сразу же налил второй, затем третий, четвёртый – всё для того, чтобы уснуть крепким сном.

Нега поползла по всему телу, и я, счастливый, лёг спать, не подозревая, что через пять минут меня разбудит громкий голос пьяного мужика, околачивающегося рядом с калиткой, и из-за этого я опять буду вынужден бодрствовать до пробуждения Ватрушки, которая любит поспать.

Я долго маялся, и наконец Ватрушка проснулась, а к тому времени я чувствовал уже невероятную усталость, злость и раздражение, придирался к ней по всяким пустякам да и вообще вёл себя дюже нехорошо, будто ребёнок, которому позволяют многое.

Глядя на мои капризы, жена предложила прогуляться до кафе и, отзавтракав, испить местного эля, на что я согласился. И мы выполнили эту мини-программу, после которой я смутно запомнил тот день, но краем сознания чувствовал, что очень долго спал днём и, не понимая ничего, выходил на улицу во двор, а Ватрушка отводила меня обратно в дом. Вот такая вот сила впечатлений.

Остальные дни мы провели в безмятежной неге: пили вино, столовались в кабаках, загорали на пляже и, конечно же, купались в Свадебном море.

Наступил день отъезда. Начав собирать свои чемоданчики (а поскольку на острове мы обзавелись большим количеством разнообразного добра, вещи в них не помещались, поэтому мы пошли на рынок, где прикупили себе ещё чемодан), наконец собрали вещи и отправились на пристань.

Капитан бывшего свадебного парохода закурил маленькую пафосную трубочку, пожал мне руку и куда-то скрылся. Из кубрика вышел глуховатый матрос и начал отвязывать верёвку, соединяющую пароход с землёй, а мы с Ватрушкой уселись за стол и принялись доставать из пакетов вино, мёд, сырные блинчики и много другого разного.

Пароход лениво резал форштевнем морскую гладь, а мы, соскучившиеся по клану Ватрушек, с нетерпением ожидали прибытия на Остров №1.

Глава 9. В изгнании

Распроставшись с небольшим экипажем бывшего свадебного парохода, мы вышли на берег и направились в сторону хижины Великого вождя, довольные своим путешествием. Мечтали одарить всех подарками, привезёнными с Острова №2, и представляли, как будут выглядеть их изумлённые лица от столь необычных безделушек. Но...

– Зачем ты пришёл, зятьёк мой хороший? – спросил вождь клана Ватрушек, как только мы предстали перед его светлостью. – Давай до свиданья, – сердито добавил он.

– Не понял, – изумился я, – как это понимать? Это же мы, ваши дети, которые наконец-то вернулись обратно в отчий дом Кайи!

Вождь долго молчал, задумчиво и пристально смотрел на меня, иногда прохаживался взад-вперёд и наконец произнёс:

– Давай размышлять логически. – Мой новый папа почесал затылок и огладил седую бороду. – Ты взял в жёны мою дочь. Верно? Значит, она твоя, и это определяет то, что ты варварским образом отобрал у нас родную кровиночку. – Вождь театрально пустил слезу и продолжил: – Из-за тебя мы осиротели, теперь она уже не наша дочь, а твоя собственность – так корми её сам и пои.

– Это шутка! – вскричал я, всё же понимая, что вождь, по-видимому, в чём-то прав.

Но он не обратил внимания на мою попытку вклиниться в монолог и продолжил:

– Работай на неё, да хотя бы продай себя в рабство. Главное – чтобы Кайя ни в чём не нуждалась. – Он поднял указательный палец вверх и добавил: – Но к нам не лезь!

Я открыл рот, не веря собственным ушам. Создалось впечатление, будто я всё ещё нахожусь на палубе бывшего свадебного парохода и вижу изрядно дурной сон.

– Давай до свиданья, – разволновался отец Кайи и с этими словами ушёл в дом, закрыв перед нами входную дверь.

Я был очень сильно обескуражен и подавлен поведением вождя, не понимая, что вокруг меня творится. Наверное, так и стоял бы долго, если бы случай не преподнёс мне сюрприз в виде проходящего мимо Ефимыча, который шествовал по улице с гордо поднятой головой и философской физиономией. Он держал на вытянутых руках очередную непонятную штуковину собственного изобретения, выполненную в виде пирамидки и утыканную разноцветными проводами.

– Ефимыч! – окликнул я его. – Что происходит?

Он остановился, недоумённо посмотрел на меня и произнёс:

– А что ты тут делаешь? Давай до свиданья! Зачем ты здесь нужен?

У меня создалось впечатление, что дедулька спятил с ума, но, несмотря на это досадное недоразумение, я был настойчив.

– Но как же так? – допытывался я у него. – Я же теперь тоже принадлежу клану Ватрушек!

– Нет дорогой, не принадлежишь, потому что клан Ватрушек – это работники, земледельцы, овцеводы, виноделы. Они созданы для того, чтобы творить в мире добро, выраженное в виде всевозможных вкусных продуктов, великолепных предметов, и делятся ими с другими островами, взамен получая нож, вилку, станок и так далее. А ты простой тунеядец! Ты не нужен нашему клану. Убирайся!

– Но у меня есть деньги! – вскричал я.

На что Ефимыч продолжил:

– Деньги? – Дед ухмыльнулся. – Деньги – вот казус происходит такой лишь с Дальним островом. Мы отдаём им самое лучшее, что у нас есть, качественное и отборное, нет цены нашему продукту, а взамен от них вместо продукции получаем какие-то непонятные зелёные бумажки. Да не в этом суть: когда назначили нового вождя, а по совместительству – твоего

тестя, к тому времени этих зелёных бумажек накопилось великое множество, потому что люди не знали, что с ними делать, – философски размышлял он. – И вождь придумал, как их применить на деле. Они хорошо разжигают поленья для семейного очага. Он попросту отправлял ненужные и бесполезные бумажки с портретом непонятого человека в печь, тем самым ускоряя процесс возгорания дров. На иные дела бумажки негодились. – Дед Ефимыч явно о чём-то задумался, он стоял, отложив пирамидку в сторону, и смотрел вдаль.

– Ну зачем так они с нами? Этот Дальний остров, – не унимался дед. – А ты иди отсюда по-хорошему, – внезапно переменял тему беседы Ефимыч на иной лад, поднял свою пирамидку и засобирался продолжить путь, известный только ему одному, и даже не попрощавшись с нами.

– Но ты же не ответил на мой вопрос, – кричал я ему вслед. – Земляк, ты же тоже иноземец, так вразуми меня, я ничего не понимаю! – с отчаянием кричал я.

Дед обернулся, испытующе посмотрел на меня и неторопливо подошёл обратно. Я нерешительно смотрел то на него, то на Кайю, которая чего-то испугалась и даже не пыталась понять смысла разговора, а лишь растерянно смотрела по сторонам и иногда жалась ко мне, беззащитно глядя в мои глаза.

– Для того чтобы состоять в нашем великом клане, необходимо очень много работать и любить свою специальность. Но ты этого не хочешь делать, потому что решил весело проводить время в путешествиях и ублажать свой взор всевозможными красивыми пейзажами да ландшафтами. – Дед опять задумался, принялся теревить бороду и наконец провозгласил: – Мой тебе совет: поезжай-ка на Третий остров – хватит баловаться – да обучись там какому-нибудь ремеслу, научись работать. Обрати внимание на искусство земледельцев, осядь на земле. Когда ты станешь хорошим работником, приезжай обратно к нам. Вот только тогда ты будешь посвящён в великую тайну клана Ватрушек, который состоит из специалистов высочайшего уровня. – У Ефимыча горели глаза, он продолжил свою пламенную речь дальше. – Клан Ватрушек велик своими людьми, поэтому и славится на весь мир. А теперь ступай, – поднял он указательный палец вверх и, не попрощавшись, скрылся за поворотом.

Вот таким вот образом всё моё погружение в развлекательную миссию на Первом острове было разрушено на корню. Планы оказались сорваны и растоптаны местным людом по причине того, что я из-за своей глупости попал в нелепейшую ситуацию, поскольку сначала легкомысленно женился, даже не думая о том, что надо будет кормить жену, и о том, что ещё придётся работать во благо процветания клана Ватрушек. И тем самым – пожертвовать своей свободой и беспечностью, в результате чего уничтожить свои мечты.

Впервые в жизни задумавшись о словах «дом» и «уют», я понял, что для начала надо научиться чему-нибудь близкому мне по душе, затем построить дом, а уж потом отдыхать, понимая, что обеспечил свою семью благополучием и спокойным существованием.

Таким образом, за один лишь день я повзрослел и поумнел на несколько лет, даже не подозревая, чем это может для меня окончиться, верил лишь в свою трудоспособность, смекалку да удачу, до этого момента сопутствующую мне во всех начинаниях. Поэтому открыл свой чемоданчик, вынул оттуда деньги и пересчитал их.

Денег ещё оставалось очень много и хватало при приблизительном осмотре как минимум на год. Я поделил их на две равнозначные кучки, затем одну из них ещё раз пересчитал, и оказалось, что с этой кучкой денег мы сможем прожить ещё полгода в роскоши, ни в чём себе не отказывая. Соответственно, и вторая кучка предлагала то же самое, но за это время надо найти какую-нибудь работу, не требующую специальности, чтобы пополнять запасы кучки. Также я надеялся обучиться какой-нибудь профессии да найти себе настоящую работу по душе.

Отдав вторую кучку жене, я загрустил, собрал чемоданчик, поскольку, добираясь до денег, выкидывал из него свои приобретённые за последнее время вещи и предложил Кайе двигаться в сторону пристани, надеясь попасть на парход, идущий рейсом на Остров №3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.